

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССРВыходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова,
В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

Да здравствует Сталинская Конституция
первою в мире социалистического государства!
Да здравствует творец Конституции —
вождь народов товарищ Сталин!

Теперь, когда мутная волна фашизма оплевывает социалистическое движение рабочего класса и смешивает с грязью демократические устремления лучших людей цивилизованного мира, новая Конституция СССР будет объявлением актом против фашизма, говорящим о том, что социализм и демократия непобедимы. (Аплодисменты). Новая Конституция СССР будет моральной помощью и реальным подспорьем для всех тех, кто ведет ныне борьбу против фашистского варварства. (Бурные аплодисменты).

Еще большее значение имеет новая Конституция СССР для народов СССР. Если для народов капиталистических стран Конституция СССР будет иметь значение программы действий, то для народов СССР она имеет значение итога их борьбы, итога их побед на фронте освобождения человечества. В результате пройденного пути борьбы и лишения приятно и радостно иметь свою Конституцию, трактующую о плодах наших побед. Приятно и радостно знать, за что боролись наши люди и как они добились всемирно-исторической победы. Приятно и радостно знать, что кровь, обильно пролитая нашими людьми, не прошла даром, что она дала свои результаты. (Продолжительные аплодисменты). Это вооружает духовно наш рабочий класс, наше крестьянство, нашу трудовую интеллигенцию. Это двигает вперед и поднимает чувство законной гордости. Это укрепляет веру в свои силы и мобилизует на новую борьбу для завоевания новых побед коммунизма. (Бурная овация. Весь зал встает. Громовое «ура»). Общие возгласы: «Да здравствует товарищ Сталин!». С'езд стоя поет «Интернационал». После исполнения «Интернационала» овация возобновляется. Крики: «Ура!», «Да здравствует наш вождь товарищ Сталин!».

(И. В. СТАЛИН. Доклад о проекте Конституции Союза ССР)

Будем защищать наше счастье

Мы увидели в минувшем году рядом с собой чудовищное преступление, перед нами открылись гнуснейшие преступления, омерзительнейшие действия, и все это было зарисовано, загримировано рукой подлейшего притворщика, все это было прикрыто ласковым словом, маской добродетели, одежды и поведомой бойца социализма. Я говорю о вскрытой диверсионной и шпионской деятельности троцкистов-бухаринцев. Все эти ужасные преступления были направлены против Сталинской Конституции, против всех людей, кто проводил ее. Конституция доказала всю мощь своего движения, неустанного и победоносного; Конституция разгромила врагов социализма и вооружает к дальнейшему разгрому.

Для всех граждан Союза, равно как и для всех трудящихся земли, Конституция — не только памятник побед социализма, но и программа действий. Для граждан Союза эта программа состоит в том, чтобы защищать свои завоевания, для остальных трудящихся земли — приобрести их.

Чем прельстителен социализм для художника? Он прельстителен прежде всего тем, что уничтожает нашу труду, обесмысливание его. Труд стал творчеством, тогда как до Советов он прежде всего был работой. Видеть, как человек от подопытного до головы меняет свое духовное одеяние, видеть, как человек наполняется и крепнет оптимизмом, — это редчайшее счастье для художника. Художник прежде всего защищает оптимизм Конституции. Оптимизм, — это и есть свобода слова. Создание художником оптимистических, мощных, правдивых книг это — создание подлинной свободы слова. Враги спекулировали не только в драме, кинематографе, но, создавая группы, они вовлекали туда писателей, спекулируя на чувстве солидарности и

естественного стремления художников поделиться своей творческой радостью с другим, найти близких сердцу, чтоб работа спорилась, чтоб в книге было меньше слабости, чтобы обобщить опыт и приобрести недостающие знания.

Это законное и совершенно необходимое стремление художника топталось в грязь, презиралось всеми этими подлейшими от критики вроде Воронского, Авербаха, драматургами вроде Киршона и Микитенко, строчителями вроде Яценского и прочей мерзости, о которой и вспоминать противно, но о которой тем не менее надо вспоминать, потому что эти люди стремились сделать писательский труд не трудом социализма — оптимистическим, радостным трудом, трудом мысли, — а делом его заботой, тягостной, нудной вроде того, как путник идет в сырую осеннюю и мало надеется выйти на твердую солнечную дорогу, — и вертеть его бьет, и дождь-то его мочит, и серо-то все вокруг.

Спекуляция на необходимости и важности совместной работы художников нельзя сказать, чтобы была разгромлена окончательно. Это сложнейшая работа, и в первую очередь она заключается в том, чтобы художники нашли подлинные образы, равно как и разяснили и популяризовали те образы, которые уже найдены.

В этой работе над созданием подлинного образа, естественно, внимание сосредоточивается на качестве работы, на качестве самого художника, потому что и образ и художник неотделимы. Оба эти элемента дальнейшего успеха несомненно есть и широко обсуждаются художником, и чем яростнее, чем беспощаднее будет работа над качеством и человека и художника, скорее исчезнут спекулянты и возможности для спеку-

ляции. Для этого необходим не только весь фронт наступления, но и отдельные удары по отдельным пунктам, пораженным противником.

Вредительство авербаховцев весьма остро поразило наш театр, привнесло ему элементы скандинавизма, упрощенчества и лжи. Вредительство это еще не уничтожено, не разгромлено до конца, и мы много видим на театре — допущенные, может быть, невольно — ложные приемы Киршона, всю их спекуляционную терминологию, все их методы банальной драматургии. Театры попрежнему склонны к оптимизму, ставят слабые вещи, чужаются трудностей, а о том, чтобы поставить молодого автора — и говорить не приходится. На МХАТ, на Малый, на театр Вахтангова за последние годы не показали ни одной пьесы молодого автора. Мне могут сказать: «А Вирта?» Н. Вирта в его роман «Одиночество» открыты и признаны, как известно, не театром и даже не самим писателем.

Я не хочу сваливать всю вину на театры, в некоторой степени виноваты и мы, писатели. Драма, как правило, до появления ее на сцене совершенно не обсуждается, а обсуждение напечатанных пьес могло бы принести большую пользу, потому что театры весьма чутко прислушиваются к мнению писательской общественности. Совершенно не выходят альманахи пьес. Пьесы национальных авторов плохо переводятся на русский язык, во всяком случае редко встретишь их в журналах.

Защита нашей гордости — Сталинской Конституции — это защита нашей жизни. Наша жизнь — это труд. Наш труд — это счастье. Будем защищать наше счастье!

ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

Узбекская песня о Конституции

В могучем содружестве сталинских стран
Звездой сияет Узбекистан.
В полях наших сказочный хлопок цветет,
Нас Сталин и партия движут вперед.
В лучах и колосьях сияет наш герб,
В железном содружестве молот и серп.
Под этим гербом сравняли свой шаг
Узбек и счастливый каракалпак.
Насилье и рабство исчезли навек,
И спину свою разогнул человек.
Слова Конституции право дают
На отдых, культуру и творческий труд.
Гудит, как набат, над страной манифест:

«Кто не работает, тот не ест».
Запали в сердцах миллионов людей
Слова величайшего из вождей.
Слова Конституции верен народ,
В ней каждая строчка о счастье поет.
В ней каждая буква сверкает, как луч,
Как солнце, творец ее смел и могуч.
Довольство и счастье несет нам закон.
Плывет над страной серебряный звон,
И плещутся песни над зеленой рощей.
Спасибо тебе, наш учитель и Вождь.

Перевел с узбекского
Н. АЛТАЙСКИЙ

Песня о Сталинской Конституции

Ашуг Асад

Руки вскинуты вверх, и глаза от
восторга смеются,
Струны саазов несут по земле
несомкнутый звон.
Над страной, как солнце сияет, встает
Конституция —
Мудрый, сталинский, ясный, несущий
нам счастье закон.
Входит Азербайджан наш звездой в
созвездье Союза.
Никому не дадим завоеванных кровью
свобод,
Вместе с правом на труд получил свое
право на вузы
Жадный к знаниям, радостный
азербайджанский народ.
Хороши у нас люди в полях и в садах, и
у выпек —
И ударники нефти, и наших полей
силачи.

Не страшны нам враги — у нас силы
кличущей излишек.
Наши плуги в порядке, и остро сверкают
мечи.

Конституцию мы, словно знамя пред
боем, поднимали,
Мощный Азербайджан говорит, как один
человек:

— Да живет наш любимый, великий и
солнечный Сталин,
Да цветет и сияет счастливый
Сталинский век!

Перевел с азербайджанского
Н. АЛТАЙСКИЙ

Про мудрого учителя и правду-книгу

На высокой горе, да в глубокой норе
было законопо золото. И сидел над ним
Кашей-Смертоносцем, алчущий-преальчущий.
На место борозды у него — гадюка-людодавы,
на место пальцев — сабли да пики.
Никому не допускал Смертоносцем к золоту
кладу. Самые храбрые, самые отважные
на гору войти пытались. И пропали, и могила
люди Кашей, надеялись —
можно, смелее Кашей и отступили от
золота. А храбрые да отважные, головы
своей не жалея, жен, детей дома кидали,
на мечах о Кашее бились, и все полетело.
Поборол их Смертоносцем, не допустил до
клада.

И вот народился один учитель — муд-
рая голова.

— Не просить, — говорит, — надо, а
всем раным-раненько вставать, оружие в
руки брать, Кашей-Смертоносца сляло с
горы прогнать!

Собрал он войска силу-силушку, весь
народ поднял, и свернули-таки они шею
Смертоносцу алчущему и клад золотой ото-
брали.

А был у учителя товарищ верный, слав-
ный, богатый-кузнец.
— Возьми, — сказал мудрый учитель
кузнецу, — то золото и суй людям зо-
лоте перо.

Как стал кузнец то перо ковать, стало
оно всю правду чистым золотом писать
промовлять.

И та правда — книга, великий закон,
где написана вся правда жизни, как лю-
ди нелюбили на свете жить, чтобы не
плакать, не тужить, а только радоваться.
То не сказка, потому что мы теперь с
этой книгой живем, горя-лица не знаючи.

(Записано со слов украинской колхоз-
ницы тов. ЯНЧУК)

Сто двадцать миллионов книг

Год назад Чрезвычайный VIII Всесоюз-
ный Съезд Советов утвердил великую хар-
тию социализма — Сталинскую Конститу-
цию.

За этот год издательством ЦК ВКП(б)
«Партиздат» выпущены большие тиражи
литературы, посвященной Конституции и
выборам в Верховный Совет СССР.

Доклад товарища Сталина на с'езде из-
дан в количестве 27 миллионов экземпля-
ров.

Сборник о Конституции, в который вхо-
дит доклад товарища Сталина, текст Кон-
ституции и «Положение о выборах», выпу-
щен тиражом в 3 миллиона экземпляров.

Текст Конституции вышел в свет в виде
плаката (1.700 тысяч экземпляров) и бро-
шурой тиражом в 8,6 миллионов экземпля-
ров.

Общий тираж «Положения о выборах в

Верховный Совет СССР» достигает 36

миллионов экземпляров.

Большим тиражом изданы речи това-
рищей Молотова, Калинина, Жданова.

Брошюра тов. Вышинского «Положение
о выборах в Верховный Совет СССР в во-
просах и ответах» издана тиражом в
6.200 тысяч экземпляров.

Помимо этого было осуществлено ро-
сковное, художественно оформленное из-
дание текста Конституции на пяти язы-
ках народов СССР и свыше 100 тысяч
экземпляров массового издания текста
Конституции СССР на разных иностранных
языках.

Общее количество литературы, вышед-
шей в «Партиздате» и посвященной Кон-
ституции, превышает 120 миллионов эк-
земпляров.

Год назад, 5 декабря 1936 года, Чрез-
вычайный VIII Всесоюзный Съезд Советов
утвердил основной закон нашей страны —
Конституцию Союза Советских Социалисти-
ческих Республик. Это была историческая
дата Великой Октябрьской Социалистиче-
ской революции.

Чрезвычайный VIII Всесоюзный Съезд
Советов постановил: «В ознаменование при-
нятия новой Конституции Союза Совет-
ских Социалистических Республик объявить
день принятия — 5-е декабря — всенарод-
ным праздником».

Сегодня — всенародный праздник.

Год прошел мы под знаменем Сталин-
ской Конституции. Год труда, борьбы и
побед. Новые гигантские победы записаны
в книгу социализма.

Этот год был годом подготовки к но-
вому историческому событию — выборам
в Верховный Совет СССР на основе все-
общего, равного и прямого избирательного
права при тайном голосовании. Права,
записанные в Конституции, завоеваны
кровавыми сыновьями народа. Эти права
пытались отнять предатели родины — троц-
кисты, бухаринцы, рыковцы, — все эти
японо-германские шпионы. Им это не уда-
лось и не удастся никогда. Партия, со-
ветский народ под руководством Сталина
разгромили подлую шайку шпионов. Об
этом хорошо сказал народный поэт Дам-
буз в своей песне «Нарком Ежов»:

Враги нашей жизни, враги миллио-
нов, —Ползли к нам троцкистские банды
шпионов,Бухаринцы, хитрые змеи болот,
Националистов озлобленный сброд.Они лизали, пьесы нам оковы,
Но змеи попались в капканы Ежова.Великого Сталина преданный друг,
Ежов разорвал их предательский круг.Раскрыта змеиная вражья порога
Глазами Ежова — глазами народа.

Мы и в дальнейшем будем рушить змеи-
ные гнезда, выкуривать всех гадюк из нор
и берлог. Нет места врагам на нашей
священной земле!

Вся страна энергично готовится к вы-
борам. 12 декабря советский народ будет
голосовать за кандидатов народа, лучших
людей страны, преданных до конца делу
Ленина — Сталина, людей способных управ-
лять социалистическим государством рабо-
чих и крестьян. Сейчас народ на своих
собраниях обсуждает кандидатуры будущих
депутатов Верховного Совета, знакомится
с теми, кому он доверит это высокое за-
дание.

Право радостно жить, работать и тво-
рить! Об этом пока только мечтают ра-
бочие, крестьяне и интеллигенция капи-
талистических стран Конституция СССР —
общественный акт против фашизма, мо-
ральная помощь и реальная поддержка
для всех тех, кто ведет борьбу против
фашистского варварства. Вот почему
лучшие передовые люди всего мира горячо
приветствуют Сталинскую Конституцию
первого в истории человечества социа-
листического государства.

В своих выступлениях на предвыборных
собраниях кандидаты в те, кто их выста-
вил, прямо обращаются к писателям с
требованием — дайте нам книги, которые
расскажут о нашей работе, о наших ус-
пехах, о пройденном пути, которые помо-
гут нам жить и бороться за дело комму-
низма. Говоря о пройденном за 20 лет пу-
ти и победах страны, кандидат в депута-
ты Верховного Совета по Подольскому ра-
йонному округу (Московская область) тов.
Реленс сказал: «Надо быть певцом,
мастером слова, чтобы суметь рассказать
о блестящих победах, одержанных совет-
ским народом». Да, надо быть певцом и
мастером слова, чтобы воплотить величие
нашей эпохи, рассказать о радостной жизни
граждан цветущей страны социализма. Та-
кие певцы и мастера слова у советского
народа есть. Их воспитала партия и
товарищ Сталин. Лучших из них совет-
ский народ выдвигает в депутаты Верхов-
ного Совета. Вот настоящая оценка наро-
да писательской работы. Народ знает, лю-
бит и уважает писателя за его высоко-
художественные произведения, которые
учат жить, работать, бороться за дело
Ленина — Сталина. Таким художникам
народ отдаст свои голоса.

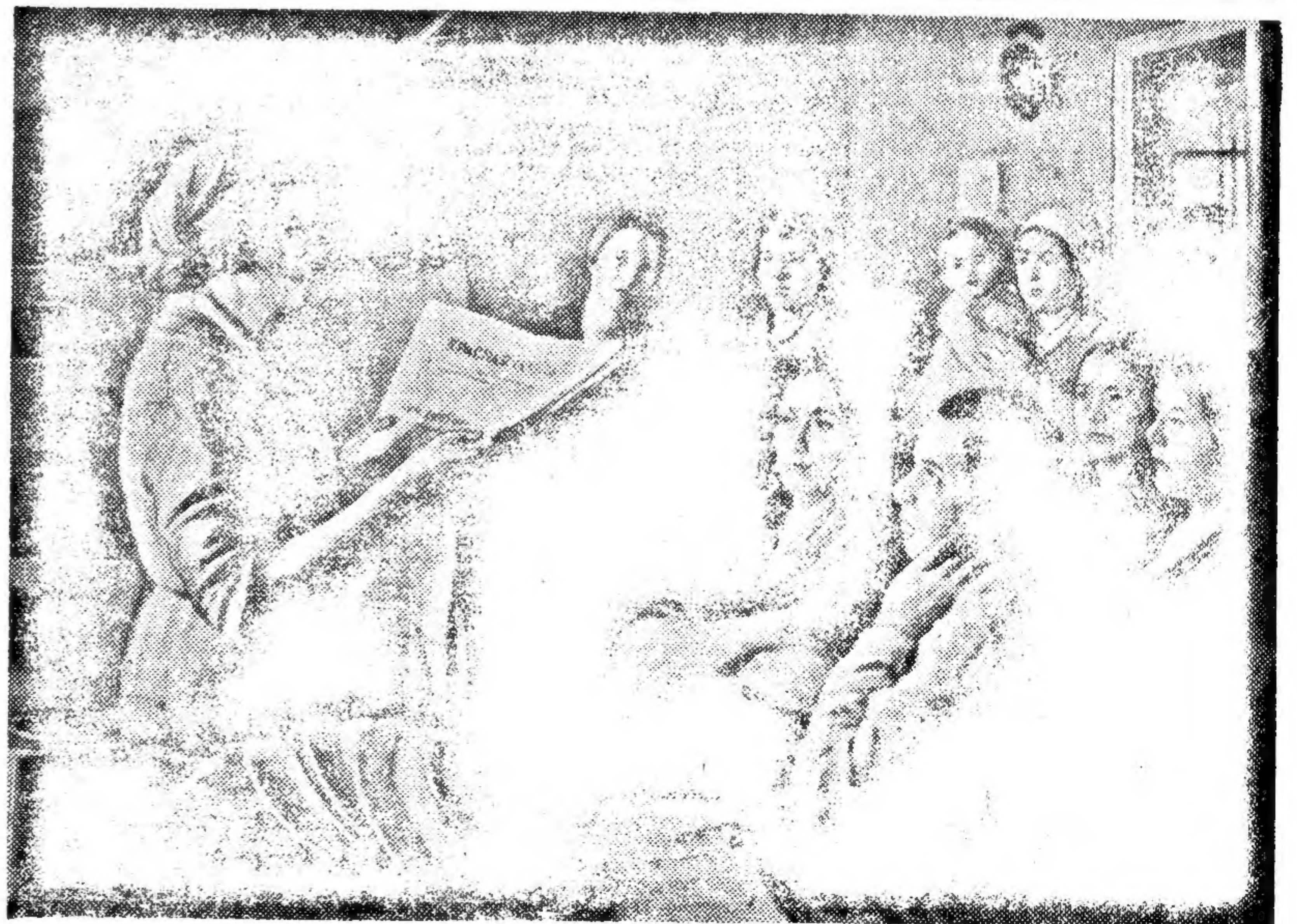
Советские писатели вместе со всем на-
родом готовятся к выборам и своим меч-
там, оружием, художественным словом,
активно помогают партии в ее агитацион-
но-пропагандистской работе. Дружным,
единым коллективом, сплоченным вокруг
партии Ленина — Сталина, вокруг товарища
Сталина, советские писатели идут на вы-
боры в Верховный Совет.

Да здравствует Сталинская Конститу-

ция!

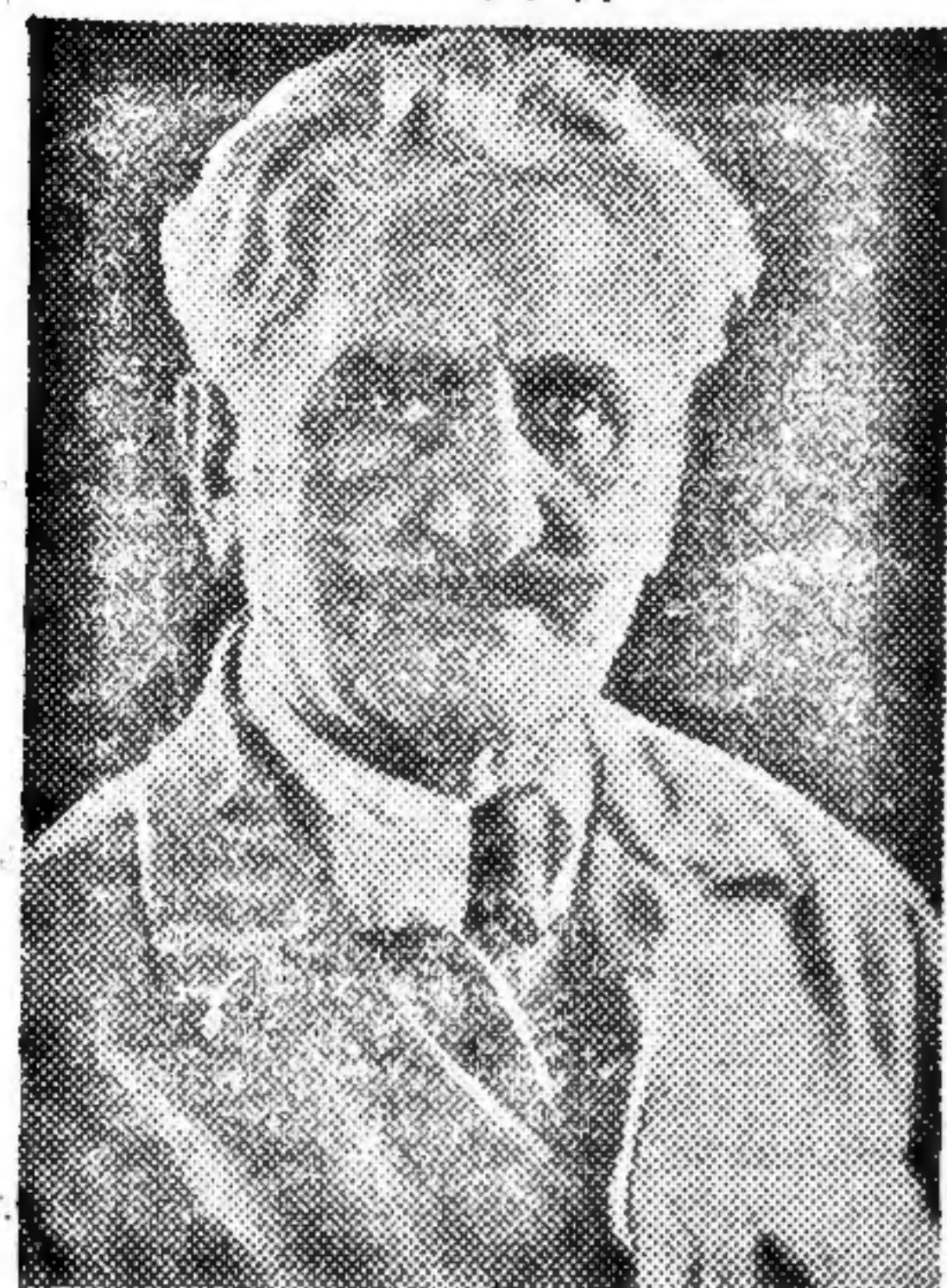
Да здравствует ее творец, вождь наро-

дов, великий друг и учитель наш Сталин!

«Жаны рабочих читают Сталинскую Конституцию» — картина ленинградского художника Апостола для доблестной
армии «Индустрия социализма».

Шалва Дадияни

Шалва Николаевич Дадияни — народный артист СССР Грузии, выдвинутый колхозниками Тбилисского сельского избирательного округа кандидатом в депутаты Совета Союза, является крупнейшим грузинским писателем-беллетристом и драматургом.

К двадцатилетию Октябрьской революции Ш. Дадияни написал пьесу «На искры», в которой изображена одна из ярких страниц истории революционного движения в Грузии — зарождение первых большевистских организаций Закавказья под руководством великого Сталина.

Платон Ойунский

Кандидатом в Совет Национальности от Таттинского избирательного округа Якутской АССР зарегистрирован Платон Алексеевич Ойунский.

Платон Алексеевич — основоположник якутской советской литературы и любительный поэт трудящихся Якутии.

Сейчас П. А. Ойунский руководит писательской организацией Якутии и институтом языка и культуры. Он любовно растит молодые кадры якутской литературы.

Мирза Ибрагимов

Имя молодого талантливого писателя Мирзы Ибрагимова, автора пьесы «Хант», хорошо известно трудящимся Азербайджана. Колхозники Казахского района Азербайджана выставили кандидатуру тов. Ибрагимова в депутаты Совета Национальностей СССР.

Конституция и литература

И. ЛЕЖНЕВ

Без малого сто лет назад молодой еще в ту пору Маркс предпринял для разрешения волновавших его вопросов критический пересмотр «Философии права» Гегеля. С неукротимой пылкостью исследователя и страстью революционера Маркс в этом труде разоблачил подоснову всякого буржуазного права и всякой буржуазной государственности.

Теоретический гений Маркса обнаружил, что не только обычное повседневное законодательство, но и основные законы покоятся на фундаменте частной собственности. В результате марксова исследования оказалось, что частная собственность есть основа основ или, как он выразился, «конституция конституций», первичная, действительная конституция буржуазного государства.

Прошло еще несколько лет, и Маркс совместно со своим другом и соратником Энгельсом выступили с «Коммунистическим манифестом». Здесь с поразительной ясностью и четкостью они сформулировали задачу возмывающего им движения революционных пролетариев:

«Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: упразднение частной собственности».

Долгие десятилетия борется пролетарий всех стран, чтобы осуществить эту благороднейшую во всей истории человечества задачу. Великая Октябрьская социалистическая революция именно тем и велика, что нанесла смертельный удар старому миру, господству капиталистов и помещиков, частной собственности, частной собственности на землю. Старую государственную машину, служившую для угнетения и эксплуатации народа, установив диктатуру пролетариата, наша революция заявила упразднение частной собственности на орудия и средства производства в огромной стране, охватывающей шестую часть планеты.

История нашей революции есть история героической борьбы за уничтожение остатков капиталистической, частной собственности и за утверждение собственности общественной, социалистической.

Великие победы, одержанные нашим народом во главе рабочим классом и его партией, выписаны в Сталинской Конституции. Самым крупным и решающим нашим завоеванием посягает первый раздел Конституции, в котором торжественно записаны такие наши всемирно-исторические победы, как отмена частной собственности на орудия и средства производства, уничтожение эксплуатации человека человеком, установление социалистической собственности на орудия и средства производства, установление власти трудящихся в социалистическом государстве рабочих и крестьян — СССР.

И если бы мы спросили себя, что является основой нашего нового основного закона — Сталинской Конституции, то должны были бы ответить:

— Социалистическая собственность.

Сталинская Конституция представляет собой как бы ответ на вопросы века на коммунистический манифест. Она из вышедших и решающих задач, поставленных Марксом и Энгельсом, реализованных в нашей стране под руководством Ленина и Сталина, и это с гордостью записано в Сталинской Конституции.

2

Советский народ, руководимый коммунистической партией, выполнил свой долг перед историей: лучше мечты передовых умов человечества он воплотил в действительность. И естественный вопрос, который должен себе задать в эти дни литераторы, состоит в том, в какой мере выполнил свой долг «наш цех», в какой мере советская литература отразила в своих произведениях советскую действительность.

Конституция и доклад ее творца, товарища Сталина, о проекте Конституции СССР на чрезвычайном VIII съезде Советов являются итогом борьбы и побед за истинные годы революции. Советская литература в эти дни подводит итог своей работе за двадцатилетие. Сличение итога литературы с итогом действительности представляет животрепещущий интерес для нашей писательской общественности.

Уже много раз говорилось и писалось о том, что литература наша отстает от темпов действительности. Это стало трюизмом, который одни писатели воспринимали с раздражением, другие — с миной «об-

реченности» на лице, третьи — с безразличием притупившихся нервов. Наилучше и так, кто стал возводить это в добродетель, и с унылой «находчивостью» провозглашалось: «зависимость литературы от действительности, что так и должно быть, что литература, мол, на роду написано слепая «отходить на расстояние» для чувства перспективы и уж потом изображать, что ей дается быть... мудрой задним умом».

Эти ошибочные и вредные взгляды, эти разнотеленные настроения некоторых писателей в большой мере протекли от того, что вопрос об «отставании» ставился слишком оглуло, неконкретно, на непривлекательный манер пустых поправок и ответного пустого отбихивания.

Конституция вооружает нас и в том отношении, что позволяет важный вопрос поднять на приличествующую ему принципиальную высоту и одновременно наполнить его действительно конкретным содержанием.

Конституция и доклад товарища Сталина привели в стройную систему многообразие наших достижений, четко выделили решающие узловые пункты социалистической жизни, преобразующей старую действительность. Для познания нашей современности проложены важнейшие магистрали, по которым мы можем двинуться вперед.

Сличение итогов действительности и литературы несравненно облегчается. Последнее же по широкому продолжению сталинских магистралей.

3

Первая статья Конституции устанавливает, что наша советская родина есть социалистическое государство рабочих и крестьян. В своем докладе товарищ Сталин говорил о глубочайших изменениях в классовой структуре СССР, о том, что пролетариат СССР превратился в «совершенно новый, освобожденный от эксплуатации, рабочий класс, подобный которому не знала еще история человечества», что «советское крестьянство — это совершенно новое крестьянство, подобное которому еще не знала история человечества».

О советской интеллигенции, кровно связанной с рабочим классом и крестьянством, товарищ Сталин сказал, что «это совершенно новая, трудовая интеллигенция, подобной которой не найдете ни в одной стране земного шара».

Вот те изменения в классовой структуре советского общества, которые произошли в результате борьбы за полное и всестороннее упразднение частной собственности на орудия и средства производства, за торжество социалистических принципов в советской жизни.

Явился совершенно новым, неизвестным в прошлом, неизвестным и в настоящем виде в мире, кроме нашей чудотворной, социалистической родины, человек, с новым отношением к труду, к собственности, к богатству, к обществу, к семье, к другу и соратнику, к природе и к миру, с новой психологией, с новым строем мыслей и чувств.

Когда приезжают к нам иностранные литераторы, старинные наблюдатели «с чужбаны», они дивятся нашему небывалому росту, гигантскому продвижению вперед в области хозяйства, техники и культуры, нашему непрерывному процветанию, отсутствию у нас кризисов и безработицы, колхозному строю советской деревни, безбрежным полям, отсутствию эксплуатации человека человеком. Многому дивятся иностранные писатели. Но совершенно безграничное изумление вызывает у них новый человек нашей страны.

Так, должно быть, изумлялись старину наши мужики, когда впервые видели «чужуку»: телега на колесах, впереди лошади нет, а двигается, да еще как двигается! В советскую колесницу не впряжена лошадь частнособственнической инициативы и капиталистической жадности барыши, а мчится колесница вперед — только спицы мелькают. Куда?

— К коммунизму!

А ведь этот-то двигатель внутреннего сгорания, эти человеческие души, преобразованные новым сознанием, и являются главным предметом писательской «инженерии».

4

Различия между человеком, охваченным атмосферой частнособственнических отношений, и человеком социальным глубоко и восторженно. Далеко не всегда и не во всей конкретности и полноте оно осознается нашими писателями. Особый вы-

терес представляют в этом отношении подлинно пророческие строки молодого Маркса, выписанные им в черновых тетрадях, представляющих подготовительные работы для «Святого семейства». Эти жемчужины марксовой мысли недостаточны известны вообще, а в писательской среде — в особенности.

Маркс писал:

«Частная собственность сделала нас столь тупыми и односторонними, что какой-нибудь предмет является нашим лишь тогда, когда мы им обладаем, т. е. когда он существует для нас как капитал, когда мы им непосредственно владеем, одним его, тем, носим на своем теле, живем в нем и т. д., когда мы, говоря коротко, потребляем его... На место всех физических и духовных чувств стало... чувство обладания».

«Уничтожение частной собственности представляет полное освобождение всех человеческих чувств и свойств, но оно является этим освобождением именно потому, что эти чувства и свойства стали человеческими как в субъективном, так и в объективном смысле. Глаз стал человеческим глазом, подобно тому, как его предмет стал общественным, человеческим предметом, созданным человеком для человека».

«Чувства общественного человека иные, чем у необходимого; ...отчасти первые порождаются, отчасти развиваются человеческие, способные наслаждаться чувствами... Человеческое чувство, человеческие органы чувств, возникают только благодаря бытию их предмета, благодаря человеческой природе».

«История промышленности, — говорит дальше Маркс, — есть раскрытая книга человеческих существных сил, чувств, но предлежащая перед нами человеческая психология, которой до сих пор не рассматривали в ее связи с сущностью человека, а всегда лишь под углом зрения внешнего отношения полезности».

«На место политико-экономического богатства и нищеты становится богатый человек и богатая человеческая потребность. Богатый человек, это в то же время — человек, нуждающийся в выражении человеческой жизни во всей ее полноте, это — человек, в котором его собственное осуществление дано как внутренняя необходимость, как нужда. Не только богатство человека, но и бедность его получают — при наличии социализма — человеческое, а следовательно, общественное значение. Она есть ласкающая связь, заставляющая человека ощущать потребность в том величайшем богатстве, каким является другой человек... Бурное чувственное проявление моей сущностной деятельности, это — страсть, которая, таким образом, становится здесь действительностью моего существа» («Архив Маркса и Энгельса», книга III).

Почти столетие назад гений Маркса видел внутренний мир человека социалистического общества с такой полнотой и ясностью, о какой еще не видел известная часть наших советских писателей, хотя они живут в стране осуществления самой конституции человека при переходе от капиталистического общества к социализму, которые предвидел и описал Маркс, по яркости могут сравниться только с преобразованием поэта, описанным в пушкинском «Пророке». Иное зрение («Отвращенные вены», иной слух («вняла а неба содроганье»), иное сердце («угуль, пылающий огнем»).

И Маркс говорит об изменении глаза и слуха социалистического человека, о новом строе чувств, о новом восприятии «человеческой» природы, о новом отношении к труду, о безграничном богатстве человеческих чувств, о неистребимой страсти выявления творческих сил человека, о величайшем богатстве, которое несет для каждого другой человек.

Все эти чувства и склонности к творчеству, отчасти впервые порожденные, отчасти развитые в современном человеке социализма, мы ощущаем и внутри себя и вокруг себя. Небывалая и поразительная новизна самой конституции нового социалистического человека, пожалуй, наиболее всего чувствуется при соприкосновении со старым миром.

III

Как пытались контрреволюционные правительства, пришедшие к власти после падения паризма, разрешить национальные вопросы?

Одно время в Грузии завладели властью меньшевики. В Юго-Осетии, соседней с Грузией, население провозгласило советскую власть и послало Ленину приветственную телеграмму с сообщением о присоединении к Советской России. Как же отнеслись к этому меньшевики Грузии? Они сейчас же послали против беззастенчивых сил войска, пушки и даже самолеты, вытребовали начальником меньшевистских войск, как он выразился, для воодушевления своих солдат. Солдаты получили приказ погнать и уничтожить осетин. И они действительно стали убивать всех, кто не успел убежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с рывком и притало по неоступимым скалам в горах, спасалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики подожгли, и в пламени старые селения, а начальники меньшевистского войска Джугели стояли нога на ногу, смотрели на окружающие селения пожарники окрестных сел и не успевали бежать. Население поднималось с

Вы будете голосовать!

Вечером к нам пришли школьники. Не только школьники и девушки.

— Может быть, мы можем вам чем-нибудь помочь?

— Конечно.

Нам нужно наготовить 3000 приглашений. Мы призываем наших избирателей посетить комиссию и проверить, правильно ли они занесены в список. Приглашения отпечатаны. Не нужно вносить имени. Три тысячи имен, отчество и фамилия.

Школьники принимают за работу. Они пишут, склоняя над столом славные молодые лица.

Через час, набив карманы этими повестками, я отправляюсь разносить их по квартирам. Я хочу сделать это сам. Отдавая бумажку, я подкреплю ее устным приглашением. Кроме того, всегда есть вопросы. Приезды и отъезды, выдворения и выселения, браки и переселения, — все это вызывает вопросы. Жизнь всегда меняется. Но избирательный закон предусмотрителен и обширен, как жизнь.

Кроме того, я признаюсь, что мне просто интересно обойти это здание, увидеть это здание, это характер.

Я объясняю цель своего прихода. Ввиду меня встречают хорошо. То обстоятельство, что член избирательной комиссии сам пришел к избирателям, необычайно приятно людям. Больше того, это их трогает. Им сразу я был встречен холодно.

Большинство жителей этого дома — молодые рабочие. Меня удивили их руки. Они памятливы. Ногти блестят лаком. Чуть было я не построил фантастическую гипотезу о фотостатье нового поколения мужчин. Но во время воспоминаний, что это — рабочие хлебозавода, пивоварни, и лакированные ногти для них обязательны, как продолжение.

Много вопросов: — Успеем ли я голосовать? Я в вечерней смене. — Я буду 12 декабря в поезде. — Мой отец в декорации. Должен ли он вернуться?

Никто не хочет пропустить своего права голосовать. И я объясняю, что это право обеспечено всем и везде — в день, и ночью, и в другом городе, и в санатории, и даже в поезде.

Обход квартир вызывает усиленный приток избирателей в комиссию. Люди проверяют себя в списках. Случаются ошибки: неточности в именах, иногда пропуски. Тут же пишут заявления с требованием исправить ошибку.

Ночью я отложу эти заявления в районный совет. Президиум заседает каждую ночь.

Райсовет похож на полевой штаб. Дежурный, не уставая, отвечает: — Да, да, ваше заявление рассмотрено. Ошибка исправлена. Вы можете не беспокоиться. Вы будете голосовать.

Л. СЛАВИН

Голосуем за коммунизм!

Михаил Иванович Калинин в недавнем своем выступлении сказал, что было время, когда известная часть интеллигенции считала коммунизм доктриной, а людей, защищавших и проводивших в жизнь идеи коммунизма, считала фантазерами.

В настоящее время, после 20 лет существования Советского Союза, для каждого советского гражданина, для всего советского народа и для его интеллигенции коммунизм — это не доктрина, а определенная цель, объединяющая всех нас.

Глубоко прав товарищ Калинин! Для нас, работников театра, как части советской интеллигенции, коммунизм также не является доктриной, но, живя в социалистическом обществе, мы уже стоим у порога коммунизма. Вот почему, голосуя 12 декабря за лучших людей нашей страны, воспитанных партией Ленина — Сталина, мы тем самым будем голосовать за коммунизм. Голосуя за лучших из лучших партийных и непартийных большевиков, мы тем самым будем голосовать за нашу партию в целом, которая этих людей воспитала.

Голосуя за лучших людей, мы будем голосовать за того, кто дал нам радость, счастье, свободное творчество, — мы будем голосовать за Иосифа Виссарионовича Сталина.

Народная артистка СССР А. А. ЯБЛОЧНИНА.

А. Н. ТОЛСТОЙ В СТАРОРУССКИХ КОЛХОЗАХ

По телеграфу от нашего специального корреспондента

В Старой Руссе А. Н. Толстой получил телеграммы и письма из всех районов округа: избиратели приглашали своего кандидата приехать к ним — в колхозы, в посёлки и города. Приглашения оказались столько, что пришлось составить расписание — по дням и часам. Но уже в колхозе «Красный бор» — в 20 километрах от ст. Лычково — наш «график» был «сломлен».

После предвыборного собрания колхозники окружили писателя: — Просим тебя, Алексей Николаевич, посмотреть на богатства колхозов...

И пошли они с гостем по амбарам, по конюшням, по скотным дворам. А в амбарах и конюшнях было то, что поглядеть! Машина мчалась по шоссе, ведущему к Демьянскому — большому району города, стоящему вдали от железной дороги. Но в селе Лычково, вдоль шоссе, выстроились колхозники, со знаменами и плакатами, как на праздничных демонстрациях. Среди них было много знаменитых луженинских мастеров художественной школы, прославивших свое село на всю страну. Они настояли, чтобы А. Н. Толстой посмотрел их новые работы. В артельной мастерской висела доска с выкройками из «Литературной газеты» — материалы о Толстом, и рядом — листки из тетрадей, исписанные крупными буквами — то были высказывания колхозников о своем кандидате.

В Демьянске мы приехали уже вечером, перед самым открытием районного собрания. Но и на демьянских улицах нам пришлось задержаться. Сотни школьников встретили А. Н. Толстого.

На собрание детей не пустят, — сказали они, — расскажите нам до собрания об успехах колхозов.

А. Н. Толстой посетил четыре района Старорусского избирательного округа: Старорусский, Лычковский, Демьянский, Валдайский. Он выступал на предвыборных собраниях, беседовал с колхозниками. И каждая новая встреча приносила новые радости.

В Валдае была устроена выставка о Толстом.

...В Ленинград А. Н. Толстой уезжал из Бурова — села, описанного Радищевым в «Путешествии из Петербурга в Москву». У вьезда в село была сооружена арка — на ней висели слова приветствия колхозников. Язвильский колхоз, с другого конца района, прислал в Бурово своих представителей — прекрасный колхозный хор приветствовал А. Н. Толстого. С огромным подъемом исполнил хор песню о Сталине.

Б. РЕСТ

Лычково — Демьянск — Валдай.

Дежурный член окружной избирательной комиссии Фрунзенского избирательного округа г. Ленинграда Михаил Зощенко (справа) инструктирует председателей участковых избирательных комиссий М. Зайцева и А. Волнова. (Сокофот).

ЗВЕНИГОРОДСКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ОКРУГ

В своей автобиографии — письме к редактору журнала «Народное чтение» Тарас Григорьевич Шевченко писал:

«Я — сын крепостного крестьянина, Григория Шевченка. Родился в 1814 году, февраля 25, в селе Кирилловке, Звенигородского уезда, Киевской губернии, в имении одного помещика. Лишившись отца и матери на восьмом году жизни, приватился я в школе у приходского дьячка, в виде школяра-попихача».

«Помещику, — пишет дальше Тарас Григорьевич, — только что наследованному достояние отца своего, понадобился расторопный мальчик, и обранный школяр бродяга попал прямо в такую куртку, в такие же шаровары и, наконец, в комнатные казачки».

В горькой повести, показывающей Звенигородчину в прошлом столетии, каждое слово звучит как проклятие, как обличение:

«Краткая история моей жизни, — заканчивает Тарас Григорьевич свой скорбный рассказ, — обошлась мне дороже, чем я думал. Сколько лет потерянных! И что же я купил у судьбы своими усилиями — не погибнуть? Едва ли не одно страшное утешение своего прошедшего. Оно ужасно, оно тем более для меня ужасно, что мои родные братья и сестры, о которых мне тяжело было вспомнить в своем рассказе, до сих пор крепостные».

История моей жизни составляет часть истории моей родины.

Так вспоминал народный поэт Тарас Григорьевич Шевченко Звенигородчину, принадлежавшую панам-полкам и панам-украинцам, как вспоминает на старейший украинский поэт (уезд), где прошли его детские годы.

Такое положение на Звенигородщине сохранялось в течение целого столетия.

В 1814 году Звенигородчину владели Потопкин и Енгельгардт. В 1814 году, в столетнюю годовщину рождения борца-полтавца, на Звенигородщине сидело 16 помещиков, владевших 20.000 десятинами земли. На каждого помещика приходилось по 1.200 десяти-

28 палов имели в своем распоряжении 1.100 десятин земли.

А все крестьяне хлеборобного, богатейшего уезда Украины, десятки тысяч крестьян имели только столько земли, сколько было в распоряжении кучки помещиков и помещиков.

Помещики богатели, крестьяне страдали, потому что Шевченко погибали на кааторной работе в экономиях, на севельных плантациях; ранней весной — голодные семьи и целые деревни сжимались с родными мест, уходили в Тапирскую и Херсонскую губернии, искали там заработков, а полевой осенью возвращались домой голодные, уставшие и обнищавшие.

В голоде, холоде и вилете жила Звенигородщина целое столетие.

Когда 13 ноября 1937 г. на трибуну волепоп колхозник Сигневского колхоза имени Ленина 60-летний Федор Марченко, в зале Звенигородского районного клуба, где происходило предвыборное собрание, наступила тишина.

Федор Марченко долго не мог говорить. Он вспоминал старую Звенигородщину, вспоминал своих отцов-крестьян, он вспоминал нота-борца, который родился на Звенигородщине, в заброшенной деревушке Кирилловке.

Перед ним в зале сидела хозяйка новой Звенигородщины, новой освобожденной земли.

Нет старой, бесправной, забытой, голодной Звенигородщины. Не соха, не рало, а трактор, комбайн идут теперь просторами Звенигородщины.

Нет в районе ни одного двора, который бы не имел коровы. 33 колхоза имеют собственные автомашины, а также колхозники-гиганты, как Кобеляцкий, Чучерковский, Княжковский, имени Г. И. Петровского имеют по две автомашины.

Выросли на селе новые люди — трактористы, комбайнеры, шоферы.

Во времена Тараса Шевченко в Звенигородском повите «сравнительно» были дачи и поморы, а предметы изучения

ит для своих младенцев бедные негра-танки.

Денег на было ни копеек, а главное еще только надвигалось. Тоня готовилась родить.

И опять все было так непохоже на Москву, что Костя иногда даже хватался за голову. Почему в Москве все происходило как-то просто, даже думать об этом не надо было. Подходят время — и рожают. И все бесплатно.

И вообще в представлении Кости роды и болевые никогда не были связаны с деньгами. Ну, рожать, ну, болевые. Кто-то за все это платит. Кажется, сопотрах. Костя никогда об этом не думал.

— Я отказываюсь родить в подобной обстановке! — запальчиво воскликнула Тоня.

— У нас на службе рожала одна сотрудница, — сказала Костя. — Что-то три или четыре месяца гуляла. С сохранением содержания.

Молодые супруги, которые еще очень мало знали жизнь, сейчас сидели притянувшись в своей комнате и вспоминали Москву. Как же это раньше они не ценили, не думали даже об этом! Они жили, ничего не замечая, все принимая как должное, как что-то естественное, что полагаться людям. Не может не полагаться. А здесь за все надо платить.

После трагической истории с пландами Костя сделалась осторожной. Он все узнал наперед. Но от этого ему не стало легче. Хотя Говорков и выбрал непорочную лебедушку, все-таки платить надо было много. В счет ставили и предварительную консультацию, и отдельную консультацию, и отдельную сестру, и доктора, и лекарства, ну, одним словом, все.

Когда Костя, очень тревожащийся за Тоню, занекулся было о том, что не плохо пригласить хотя бы одного профессора, ему назвали такую сумму, что он злобно проворчал себе под нос:

— Нет, профессор пусть Морган лечит. Да и детей пусть рождает миссис Морган. И я знаю, что тут это удовольствие не для пролетариата!

Тоня, которая с понижением лет понимала, что такое капитализм, и не раз делала с ним маленькие попытки в школе и на фабрике, вдруг столкнулась с ним в жизни. И, представьте себе, она страшно рассердилась. Капиталистическая система мешала ей жить. Хотя ей вечно было волноваться, она каждый вечер изволиванно ругала эту систему.

Почему мы сердитесь? — говорила ей Мария Васильевна. — Мы живем за границей десять лет. Мы уже привыкли.

Теперь Тоня уже ничто не нравилось. Не нравилось даже то, что совсем недавно

ПРЕДВЫБОРНАЯ ХРОНИКА

В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ УЧАСТКАХ

Во многих избирательных участках Москвы в первой годовщине принятия Конституции и к выборам в Верховный Совет СССР устраиваются выставки картин. Материал для этих выставок уже рассмотрен жюри Московского союза советских художников и распределен по участкам.

В клубе имени Ленина, где помещается Сталинская окружная комиссия и 10-й избирательный участок, организована выставка документов, плакатов и фотоматериалов, посвященная жизни и деятельности великого вождя народов СССР товарища Сталина.

Выставка эта пополняется художественными произведениями: портретом Сталина (офорт) Сарры Шор, серией зарисовок мест, где родился, жил и работал товарищ Сталин, художника С. Д. Покровского, картины художника П. Д. Покровского «Комсомольцы идут в бой» и рядом других.

Картинки крупнейших художников будут выставлены на выставках и в других избирательных участках.

В 49 избирательном участке Фрунзенского избирательного округа, по которому баллотируется в Верховный Совет СССР народный артист Союза И. М. Москвин, будет развернута выставка эскизов к театральным постановкам. На выставке — эскизы декораций к «Тихому Дону» Федоровского, эскизы костюмов к «Сказке о царе Салтане».

Жены писателей, живущие в доме союза писателей (Лаврушинский переулок) создали бригаду для помощи 8-му избирательному участку Ленинского избирательного округа. В бригаде 20 человек. Члены бригады ежедневно дежурят в своем избирательном участке, помогают в текущей работе. При активном участии жен писателей участок выпускает стенную газету.

В день выборов, 12 декабря, в 8 избирательном участке жены писателей организовали комитеты матери и ребенка. С 8 часов утра до 12-ти ночи жены писателей будут нести дежурство в этих комитетах.

Жены писателей, живущие в других домах СССР, работают в своих избирательных участках в индивидуальном порядке.

Комиссия шестого избирательного участка Свердловского избирательного округа состоит почти целиком из работников Всесоюзного академического ордена Ленина театра. Членами избирательных комиссий являются заслуженные артисты Е. Катусильская и В. Давыдова, орденосносцы артисты А. Эбзенко, артисты Черкасов и Дунаевский.

Вокруг участка группируются активные пролетарские организаторы и активные артисты ГАБТ принимают активное участие в проверке списков избирателей.

Весь коллектив Малого академического ордена Ленина театра с энтузиазмом включился в выборную кампанию. Перед каждым спектаклем и в антрактах актеры читают стихотворения, посвященные выборам.

Народная артистка РСФСР т. Е. Гоголева, заслуженный артист т. Рыжов, заслуженная артистка т. Фадеева, орденосносцы артист т. Уралов — активнейшие участники избирательной комиссии.

Народная артистка РСФСР Е. Турчанинова — доверенная на 28-м избирательном участке. Народная артистка В. Пашенная — член окружной избирательной комиссии. Народный артист СССР — П. М. Садовский регулярно выступает по радио.

Артисты МХАТ, заслуженный артист республики М. Прудкин и народный артист СССР Н. Хмелев — члены избирательной комиссии. Весь старший коллектив театра ведет художественную агитацию среди избирателей, участвуя в специально организуемых собраниях и концертах в клубе им. Каледина.

В помещении филиала театра происходит предвыборные собрания. Коллектив театра активно включился в проведение предвыборной массово-агитационной работы.

Еврейские писатели активно работают в избирательной кампании. Группы еврейских писателей совершили длительные поездки в колхозы еврейских национальных районов.

На еврейском языке создана значительная литература — стихи, очерки и статьи, посвященные выборам в Верховный Совет СССР.

Но мы так и знали, что ты про нас забудешь в своей Америке. Но мы тебя вечно вспоминали и все-таки решили написать. У нас нет ничего нового, живем как жили, без особых интересов. Ты, наверно, читала в американских газетах, что в Москве открылся Театр народного творчества. У нас на фабрике еще весной образовался самостоятельный коллектив, и на прошлой неделе он выступал в этом театре. Испокон веку «Русскую», а на нас «Кавказ».

Страшно было, просто ужас. И Клята танцевала соло с т. Перелькиным, которого ты, конечно, узнаешь на фотографии. У нас ничего нового нет, только Клява, вышла замуж за композитора, который руководит нас музыкально. Его фамилия Миша Григорьев, но подписывается он под своим именем Иван Лесной. Но он еще пока кандидат в члены союза композиторов. Но его обязательно примут, так как он пишет симфонию из моей жизни.

Он сказал мне, что я представляю тип новой женщины. Вообще, он очень веселый и все время всех развешивает. И я его люблю довольно сильно. В общем, как видишь, ничего особенного у нас не происходит. В августе мы влодем поехали к аккурский ОИТ в Крым. Обманили весь Южный берег и подымались на А-Петри. Такой котер был на вершине, ужас! Но восход солнца действительно мировой. Мы были очень довольны, что побывали на А-Петри. Нашу фабрику перенесли в новый корпус, потому что вся эта улица сносится совсем, и совершенно правильно. Одна гора была. Теперь, когда ты приехала, то даже не найдешь тех мест, где прошла наша молодость. Уже мы все взрослые. Клява уже девятидцать лет, а мне скоро исполнится семидесятилетие. Просто ужас! По этому случаю у нас намечается большая вечеринка. Жаль, тебя не будет. Жаль, что мы еще не видели твоего Вовы. Он, наверно, красивый мальчик, и мы шлем ему сердечный привет. Тонечка, ты всецело, всецело, во все-таки нас не забывай. Твой К. и К.

Клява, вырежу, пожалуйста, нам верни. У нас есть только один экземпляр. Твой К. и К.

Вырезка была сильно истертая и, как видно, побывала во многих руках. Снимки караулов были обведены строчкой:

«Коллектив 1-й расфасовочной фабрики блестял виртуозно исполненной русской пляской. Стахановка Калерия Корнукова совместно с т. Перелькиным (защитой № 21) обнаруживают яркий, красочный танец и имели заслуженный шумный успех. Так в недрах народа выковались новые свежие яркие красивые таланты».

Тоня не выдержала и зарыдала, густо и страшно, как рыдала.

Илья Ильф, Евгений Петров

ТОНЯ*

Обычно во время полпредских приемов, на которые приглашались представители искусства, науки и промышленности, шифровальщики Костя Говорков с непривычкой чувствовал себя очень стесненным. Он стоял в ожидании, глядя на полпредов, с неопределенным видом ожидая, когда бы он попал и то тошноту накурившись сигаретам «Тройка». Но однажды Костя вдруг осмелел и вступил в разговор с толстым, очень симпатичным американцем. Костя с удовольствием заметил, что уже довольно свободно говорит по-английски. Нехватало только темы, но о чем, собственно, надо говорить в этом американском. Тут Костя вдруг постеснялся. Он вспоминал свои вечные простуды и стал жаловаться на валингтонский климат.

— О, — сказал американец, — вы молодой человек. У вас этого не должно быть. Все простуды происходят от глупости. Их надо немедленно удалять. Поверьте моему опыту, мистер...

— Говорков.

— Мистер Говорков, я позволю себе, мистер Говорков, рекомендовать вам своего врача. Он очень опытный человек и вырежет ваши гланды так, что вы этого и не почувствуете. Если даже будет неприятно. Костя поблагодарил обязательного толстяка. После этого американец вытаскивал блокнот и что-то записал.

Потом беседа потекла как-то сама собой. Вышли несколько котейки и растаяли очень довольные друг другом. Пряда домой, Костя хвастался своим успехом в языке и светском обращении.

— Всею попенюшкому научусь, — говорил он Тоне, — осваиваем и эту область. Утром Говоркова позвали в канцелярию к телефону, и незнакомый голос сообщил, что говорит секретарь мистера Саммерфилда.

— Слушай, — с удивлением сказал Костя.

— Вы вчера имели беседу с мистером Саммерфилдом относительно доктора. Доктор с удовольствием принял бы в вас, но так как удаление гланд все-таки операция, хотя и маленькая, то доктор просит вас

заплатить 200 долларов.

— Да и это дорого, — возмущалась Костя, — это же громадная сумма, двадцать долларов! Ну, я еще понимаю четыре доллара, а двадцать!

завезать к нему сегодня в пять часов дня.

Костя очень понравилась эта чисто американская актуальность, и он просил рассказать мистера Саммерфилда что-нибудь житейское.

В половине пятого, никому не сказавшись и попросив для себя автозавода, Костя поехал по записанному им адресу.

Доктор очень понравился Косте. Во-первых, он абсолютно не походил на доктора. Это был элегантный олетный господин с модными черными усами и проборм посередине головы. У него были длинные, худые и нервные пальцы крупнее. С круглыми вертелом на лбу он был невероятно красив и обаятелен.

Благожелательно похлопав Костю по плечу, доктор надел халат с перламутровыми пуговицами, посмотрел Костю горло и сказал, что лучше всего было бы гланды удалить, хотя вообще-то говоря можно жить и с гландами. Но Костя с горячностью, которой сам от себя не ожидал, заявил, что согласен с гландами растащить. Уж очень ему надоели простуды.

Тотчас же в комнате появились ассистент и сестра милосердия, и доктор молниеносно вызвал мистера Говоркова гланды электрическими щипцами. Нето что это было приятно, как утверждал мистер Саммерфилд, но, во всяком случае, не слишком больно.

Тоня жалела Костю. Один день он лежал в постели, хотя чувствовал себя прекрасно. Лежал и пытался только морозчиком. Вестики это было событие. Тоня читала ему вслух газеты, и оба были счастливы.

Через неделю на имя мистера Говоркова пришел в канцелярию пакет. Это был счет от доктора. Заглянув на него, Костя ничего не понял. Счет был на двести долларов.

— Тут какая-то ошибка, — сказал он Тоне и пошел к Марье Васильевне узнать, что бы это могло значить.

Конечно, какая-то чепуха, — сказала Мария Васильевна, — удивление гланд стоит долларов двадцать пять, не больше. Тут, наверно, написано двадцать долларов, а лишний нуль попал по ошибке.

— Да и это дорого, — возмущалась Костя, — это же громадная сумма, двадцать долларов! Ну, я еще понимаю четыре доллара, а двадцать!

— Позвольте, мовольте, — сказала Мария Васильевна, ладная пенсия и снова рассматривать счет. Вы у кого были? Как? Доктор Пичинелли? Кто же к нему не платил? Алексей Дмитриевич, зашла к нам на минутку. Тут прямо беда случилась с товарищем Говорковым.

В комнату вошли советник. Он вынул в руки счет и с недоумением посмотрел на Костю.

— Слушайте, Говорков, какой дурак посылал вас к Пичинелли?

— Возле не дурак, — обиделся Костя со своего нового друга, — а мистер Саммерфилд.

— Ну, знаете, — сказал советник, — вы бы хоть спросили кого-нибудь, посоветовались.

— А что тут советовать? — сказал Костя. — Это же пустяки, какая-то глупада.

— Глупада-то пустяки, а важно здесь, что доктор Пичинелли лечит очень богатых людей. А вы еще полагали к нему по рецепту Саммерфилда, миллионер. Бестеменно, что он и вас считает миллионером. А вы еще пришли к нему на «Каддаке», — пробормотал Костя.

— Вы бы к нему еще на «Ройсе» приехали, — воскликнул советник. — Придётся вам заплатить двести долларов.

— Как двести? Мария Васильевна говорила — двадцать?

— Возможно, что эта операция стоит только двадцать долларов, но Пичинелли берет за нее двести.

— Не буду я платить! — закричал вдруг Костя. — Это абсурд!

— Да, — сказал советник, — получается поганое дело. Но придется заплатить. Тут никаких разговоров не может быть. — Это абракада! — простонал Костя. — Да ведь если в Москве рассказать — не поверят.

— Конечно, не поверят. Вы там все в Москве привыкли лечиться бесплатно. Но здесь нет советской власти. Это Америка. Будете знать на практике, что такое капитализм.

Доктор Пичинелли произвел в бюджете Говорковых страшные разрушения. Что-то вышло, пришлось отказаться от вымысла, от косяков и чудной проклятия, которую Тоня уже приспособила для описанного младенца в детском магазине. Кроме того, пришлось еще взять авансом в счет жалованья восемьдесят долларов. Это была настоящая катастрофа.

Как Тоня ни утешала Костю, сознание того, что он совершил непоправимую глупость, заставляло его страдать. В светлой комнате Говорковых сделалось грустно. Вместо замечательной крохотки стояла самая обыкновенная дядька, какую покупали

Александр Евдокимович Корнейчук. Баллотировавшийся в депутаты Совета Союза по Звенигородскому избирательному округу, Киевской области.

являлись псалтырь и часослов. Сто лет спустя, в 1914 году, в Звенигородском повите бед десятков школ. Учениками были дети кулаков, полков, местных помещиков.

Сейчас в Звенигородском районе 38 школ, из них средних — 7, неполных средних — 22, начальных — 9. Вместо 1800 кулацких, полковских и помещичьих сынов в этих школах обучаются 10.800 детей колхозников и рабочих. Кроме этого в районе есть еще 6 вечерних школ, 18 школ для подростков, 47 клубов, домов колхозников и красных уток, 20 библиотек, 23 читальни.

45.000 книг в библиотеках района. Книга проникла в каждую хату, в каждую семью. Трудящиеся района жалко изучают произведение классиков украинской и братских литературы, они жалко изучают новую дивер, рассказывающую о нашей родине, прекрасной жизни.

В 1915 году в Звенигородском повите была одна стационарная больница и одна глаз

Театр-Кино-Музыка-Живопись

«Волочаевские дни»

Фильм С. и Г. Васильевых

Артист И. Дорохин в роли большевика Андрея

Недостаточно наделить одного из актеров будничностью, на другого фуражку с офицерской кокардой, чтобы заставить зрителя полюбить одного и возненавидеть другого. Даже нашего зрителя, имеющего все основания ненавидеть офицера и любить красноармейца.

Есть у нас в кино режиссеры, которые иногда ограничивают свою работу рамками буффонады. Они знают, что наш зритель всегда воодушевленно аплодирует победам Красной Армии на экране, но тем не менее склонны приписывать эти аплодисменты себе.

Это очень важное обстоятельство. О нем никогда нельзя забывать. И тот факт, что наш зритель очень эмоционален и любит свою родину, не должно извлекать режиссеров от обязанности проявить в картине максимум изобретательности, мастерства и ума в овладении тайнами кинематографического искусства. Некоторые считают, что тайна этих вещей нет, что даже упоминание о них представляет собой так называемый «толстый формализм». Некоторые знают о существовании этих тайн, но не слишком стремятся к тому, чтобы в них проникнуть. И злоупотребляют прекрасными качествами нашего зрителя, давая ему кинематографический примитив.

Новый фильм Сергея и Георгия Васильевых — это прежде всего настоящий кинематограф.

Собственно говоря, материал этого фильма настолько доходчив и значителен, что авторы могли бы, почти не отягачивая творческой совести, пойти по линии наименьшего сопротивления (не особенно заботясь о тонкостях развертывания сюжета, о законности мелких, даже мельчайших деталей, о почти неумолимых отягачах в работе актеров, художника, композитора, оператора).

Васильевы пошли по другому пути. Они открыли в их картине сценарий. Он закончен без схематизма, напряжен не только в целом, но и в каждом эпизоде. Здесь нет «мертвых» действующих лиц. Каждый человек, появившийся в начале картины, занят в ней до конца. Превосходная экспозиция, вводящая зрителя в курс дела буквально с первых же кадров без традиционного волнующейся реки и лихо бегущих по небу облаков. И, наконец, самое главное, сценарий, если можно так выразиться, удивительно круто сделан, как бы олицетворяя кольцо, в которое попали японские интервенты. Японцы пришли — это начало картины. Японцы ушли — это ее неизбежный конец.

Сценарий переписан на экран с блеском. Характерная особенность: всякий раз,

когда герои картины попадают в критическое положение, зритель по-настоящему боится за них. А ведь мы, зрители, если говорить правду, далеко не всегда тревожимся за участь кинематографических героев. Мы часто спокойны за их судьбу. Мы знаем, что добрый режиссер не обидит их и уберечь от любой опасности. Здесь же, когда Андрей медленно поднимает револьвер, чтобы выстрелить в Машу, вернувшись в дом, мы слышим в течение нескольких секунд — именно тех нескольких секунд, которые очень точно были рассчитаны режиссерами. Те же чувства испытываем в сцене объяснения Андрея с полковником Усманом.

У Васильевых есть умение показывать гражданскую войну, как войну необычную, совсем особенную, не похожую ни на какие другие войны. Это было в «Чапаяеве». Это есть и в «Волочаевских днях». И все же

эти две войны у них не похожи одна на другую. Васильевым удалось самое трудное — достигнуть той степени конкретности, когда изображаемые на экране события не вызывают никаких кинематографических ассоциаций. Картина нова с начала до конца. Это действительно война, происходящая на Дальнем Востоке: враждебная интервенция тайга, маленький человек в очках, карабкающийся по обледенелому склону горы, семейные мужики-раскольники, выражающие свое единение с партизанами тем, что позволяют им курить в своих избах. В картине есть география, эпоха, — и все это в ней настоящее. Времена года — зима и лето — выбраны здесь не для того, чтобы дать оператору возможность снять в красивом ракурсе отягченную светом ветку или этаким уходящим прудом, серебристым в лучах луча. Нет, зима и лето необходимы здесь съезжеть, они в картине заняты как актеры.

Актеры были настолько требовательны к себе, что удержались даже от того, чтобы свести водом Тихого океана, с сатирическим ревом забавляюще на берег. А ведь киноаппарат их был так близко от Тихого океана! Однако, вернемся к делу.

Необходимо сказать об актерах в этой картине. В. Мясникова (Маша) создает образ смелой и женственной подруги героя. И. Дорохин делает фигуру большевика живой и человеческой. В. Лукин в роли старого портретиста и георгиевского кавалера Юрия Квитко — живой, чудесный старик, которого невозможно не полюбить.

И, наконец, Л. Спердия, играющий роль полковника Усманова с совершенно исключительным мастерством и предельной убедительностью. Роль эта так сложна и так блестяще выполнена, что представляет собой настоящее событие в кинематографии.

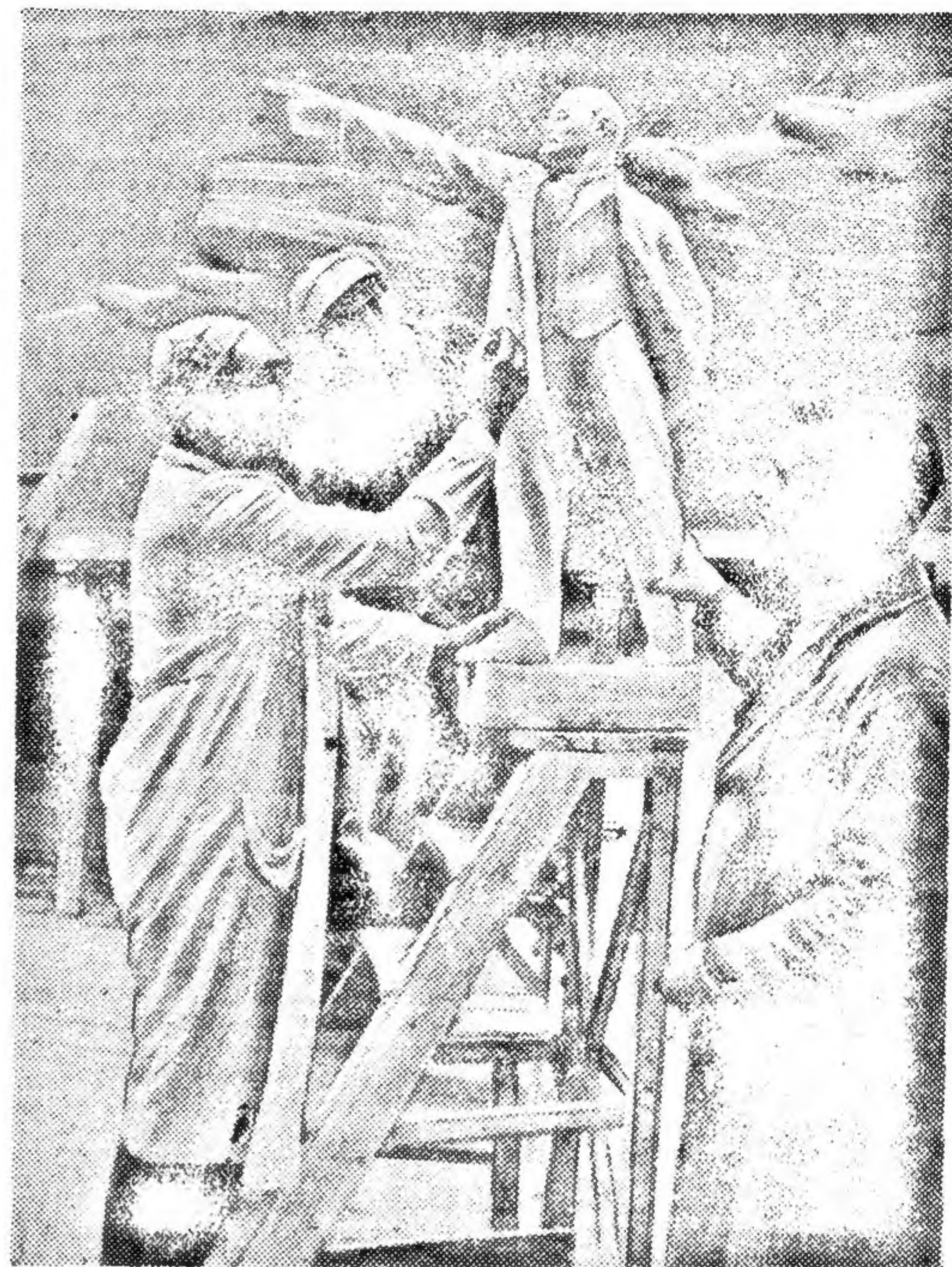
Есть и еще в картине много превосходно сыгранных ролей: хитрый мужик В. Чирков, старуха-старовка (фамилия исполнителя не названа), из-за которой в программе, матрос Вуляк — Б. Виноков, пленный японец — В. Хайдаров, начальник станции — Ф. Чагин.

В заключение мы можем сказать открыто: мы очень беспокоились за Васильевых. После блестящего успеха «Чапаяев» им, наверное, было очень трудно работать. Ведь даже просто хорошая картина показана им после «Чапаяева» неудачей.

«Волочаевские дни» — картина великолепная.

Уровень, достигнутый Чапаяевым, закреплен. И теперь мы совершенно спокойно за третью картину Васильевых.

Г. ВОРОНОВ

Скульпторы С. Д. Меркуров (слева), И. М. Попов и И. С. Ладнов за работой над эскизом статуи Ленина (в мастерской С. Д. Меркурова)

(Сов.фото)

Статуя Ленина для Дворца Советов

В настоящий момент, совместно с архитекторами — авторами проекта постройки Дворца Советов — Иофаном, Шукло, Гельфрейхом, мы работаем над дальнейшей разработкой эскиза статуи Ленина, стремясь окончательно органически увязать статую с самим зданием.

Одновременно мы работаем над соотношением реальных частей фигуры и над проектом построения ее каркаса. Нужно иметь в виду колоссальные размеры статуи. Ее указательный палец будет иметь длину в 4 метра, голова — 14 метров, поперечник груди — 32 метра, а поперечный разрез ноги у ступни — 10 метров.

Скорее будет окончательно разрешен вопрос, из чего будет построена статуя — из нержавеющей стали или из какого-нибудь другого металла. Этот вопрос чрезвычайно важен, так как от материалов в значительной степени зависит форма статуи.

Дальнейшая работа будет вестись таким образом. Уже сделаны эскизы в 50 сантиметрах и в один метр, дальше мы сделаем

эскизы в 2 1/2 метра, в 5 метров, в 10 и в 20 метров. Здесь не может быть простого механического увеличения, ибо каждая из этих величин предполагает определенную форму, в которую и должны быть облечены эти объемы (проблема величин и проблема формы). Двухметровый эскиз уже позволит нам близко подойти к построению стеновой фигуры, с тем преимущественно, что его легче будет охватить глазами.

Скульптор С. МЕРКУРОВ

НОВЫЕ ПОСТАНОВКИ

В театре имени Вахтангова

В театре им. Вахтангова с нового года возобновляется прерванная из-за работы над юбилейным октябрьским спектаклем подготовка постановки «Ревизора» Гоголя. Постановку поручена заслуженному деятелю искусств Б. Э. Захаров.

Роль горючего в «Ревизоре» будет играть народный артист РСФСР В. П. Шуклин. Хлестакова — народный артист РСФСР Р. Н. Симонов.

Оформление спектакля поручено художнику П. В. Вильямсу.

Специальной постановкой об оборонной теме театр намерен отметить 20-летие Красной Армии.

Театр им. Вахтангова решил поставить в 1939 году пьесу о борьбе с фашизмом. Эта тема разрабатывается для театра тремя авторами. К 1 января должен быть пьеса Ю. Олеша. Весной театр ждет пьесу от известного немецкого драматурга, находящегося в эмиграции, Юлиуса Гай, автор талантливой пьесы «Вот, император и мужик».

Наконец, третья пьеса о борьбе с фашизмом под названием «Эмигранты» пишет для вахтанговцев Лео Фейхтвангер. Действующие лица пьесы — немецкие эмигранты во Франции. Недавно писатель прислал театру подробный сценарий пьесы, которую он намерен закончить к сентябрю будущего года.

В портфеле пьес на современную советскую тему, Ал. Толстой, П. Павленко, И. Погодин, В. Гусев, Ю. Никулин, Ю. Герман и Л. Сейфуллина обещали дать театру свои новые произведения. Давними договорными связями с вахтанговцами И. Бабель и Л. Славян.

В плане театра на 1938 г. — показать также пьесу о Франции середины прошлого столетия, в виде инсценировки одного из произведений Бальзака, Золя или Мопассана.

Опера по роману «Одиночество»

Во второй половине сезона в Ленинградском театре оперы и балета имени Кирова в Государственном музыкальном театре имени народного артиста СССР орденосносца Вл. И. Немировича-Данченко пойдет новая опера композитора Т. Хренникова по роману Н. Вирта «Одиночество».

Либретто к опере написано А. М. Файко. — Последнее время, — сообщил нам автор оперы, — я часто встречаюсь с В. И. Немировичем-Данченко. Он приступил к сценической отделке уже законченных мною картин оперы. Совместная работа с Вл. И. Немировичем-Данченко над созданием оперы, его указания чрезвычайно помогают моей творческой работе.

Содержание оперного спектакля будет отличаться от романа «Одиночество» и пьесы «Земля».

В опере больше внимания уделяется личным отношениям Наташи и Ленки, которые гораздо сильнее драматизированы. По сравнению с романом образы положительных героев — Листрата и деда Василия — даны более развернуто и полно. События, происходившие в 1919—21 гг. в Тамбовской губернии, отражены в личных судьбах героев оперы, написанной в плане народной музыкальной драмы.

Художник В. И. Волков уже закончил макет семи картин оперы для театра им. Вл. И. Немировича-Данченко.

В Ленинградском театре оперы и балета, где оперу ставит народный артист РСФСР Р. Н. Симонов, художественное оформление спектакля будет принадлежать И. М. Рабиновичу.

Театральный дневник

★ Государственный ТРАМ в конце декабря покажет пьесу бр. Тур и Л. Шейнина — «Очная ставка». Постановщик — художественный руководитель театра, заслуженный деятель искусств И. Я. Судакос, режиссеры А. В. Моисево и В. Н. Егоров.

10 февраля состоится премьера пьесы Л. Толстого «Живой труп», в постановке режиссера А. М. Лобанова и Л. М. Кобозюк. Художник спектакля — В. А. Матрунин.

В марте ТРАМ покажет инсценировку рассказа М. Горького «Троп». Постановщик спектакля и автор инсценировки В. П. Вальтов, художник — С. И. Иванов.

★ 27 декабря в театре имени Ермоловой состоится премьера пьесы А. М. Горького «Дети солнца», в постановке художественного руководителя театра, народного артиста СССР, орденосносца Н. П. Хмельева. Декорации пишет художник Н. П. Прусак.

В конце февраля пойдет пьеса А. Н. Островского «Бедная женщина». Ставит спектакль заслуженная артистка республики орденосносца Е. С. Телешева.

★ Литышский театр «Смугляк» в конце декабря осуществит постановку пьесы-сказки литышского классика Яна Рейниса — «Золотой конь». Ставит пьесу заслуженный деятель искусств О. Ф. Глазунов. Художник Д. Т. Гринвальд.

Театр начал работать над пьесой, переложенной из романа недавно умершего литышского писателя Паулы Сроин. Роман этот задан в СССР на литышском языке. Название романа и инсценировка «Цепи». Это алая сатира на нравы современной литышской буржуазии. Автор переложения и постановщик спектакля — главный режиссер театра «Смугляк» К. Я. Круминь.

Растет музыкальная культура страны

Закончившаяся декада советской музыки показала, что наша музыка создала уже подлинно классические образцы вокального мастерства. С глубоким удовлетворением нужно отметить переход советских композиторов к созданию мелодичных арий и песен, характеризующихся гармоническим развитием музыкальной темы.

Мне очень приятно, что с каждым днем растет музыкальная культура страны.

Музыкальные декады нужны в будущем продолжать. Они создают творческую спайку композиторов с певцами. Композиторы должны как можно лучше ознакомиться с особенностями дарами отечественных певцов. Певцы декады дают творческий импульс композиторам к созданию новых музыкальных произведений и исполнителям — к созданию наиболее ярких, наиболее совершенных форм передачи их.

Заслуженная артистка В. А. ДАВЫДОВА

Новые музыкальные богатства

Декада советской музыки ознакомила страну с целым рядом новых замечательных советских музыкальных произведений. Особым разнообразием отличался инструментальный репертуар.

В программе декады советской музыки наряду со старыми поколениями советских композиторов (Хачатурян, Прокофьев, Александров, Фаликер, Мясковский, Хренников, Кабаловский) выступили молодые композиторы, проявившие себя как зрелые мастера.

Молодые композиторы Свиридов, Балайчев, Бирюков и Голуев сделали значительный вклад в советскую инструментальную музыку.

Остается только пожелать, чтобы декада все же не выявила всего богатства советского симфонического творчества. Симфоническая музыка, в отношении которой мы достигли таких значительных успехов, должна была по праву занять более достойное место в программе декады.

Вообще программы декады не охватили полностью все богатство советской музыки и были оставлены недостаточно продумано. Проблем в них являлось отсутствие единой линии, стиля.

Следует пожелать дальнейшего регулярного продолжения музыкальных декад. Демонстрируя разнообразие богатств советской музыки, эти декады одновременно много дают и исполнителям в композиторах, стимулируя их творческую работу и объединяя весь музыкальный коллектив страны.

Профессор ЛЕВ ОБОРИН

ЮБИЛЕЙНАЯ ВЫСТАВКА БЕЛОРУССКОГО НАРОДА

От нашего корреспондента

В честь двадцатой годовщины Октябрьской революции и выборов в Верховный Совет СССР в Минске открыта большая юбилейная выставка. О масштабах этой выставки можно судить по тому, что она развернута в залах двух крупнейших новостроек Минска — Дома правительства и Дома Красной Армии.

В Доме правительства собраны экспонаты, отражающие победы белорусского народного хозяйства, а собранные в громадных залах Дома Красной Армии экспонаты рисуют замечательные достижения белорусского народа на всех поприщах творчества. В этом отделе собрано до 800 экспонатов, свидетельствующих о громадном подвиге самоотверженного народного искусства белорусских. Вы здесь увидите полотна, написанные самородными, вышедшими из народа — портретчиками, бойцами Красной Армии, рабочими, колхозниками. Здесь же выставлены резьба по дереву, художественные гонимые изделия, вышивка, скульптура.

Вниманию приделается работа рабочего Речницкого синтетического фабрики тов. Конопенко, сложившего из 300 тысяч синтетических нитей на тему о завоевателях Северного полюса.

Наряду с произведениями народного творчества в Доме Красной Армии действует юбилейная выставка картин белорусских художников. Среди портретов на выставке — портрет Алексея Максимовича Горького работы художника Якова Кругера.

Выставка рассказывает о 22 вузах, 26 техникумах, открытых в республике, о 200 газетах, выходивших в БССР, о выпущенных многотысячными тиражами книгах белорусских писателей, о переводах творения Пушкина, Толстого на белорусский язык. Она рассказывает о цветущем сегодня днем белорусском искусстве.

Десятки тысяч экскурсантов уже посетили выставку, и с каждым днем число их растет.

ВЫСТАВКА В ДОМЕ-МУЗЕЕ Т. Г. ШЕВЧЕНКО

В кишиневском доме-музее Т. Г. Шевченко, где жил в 1846 году великий украинский поэт-революционер, открылась выставка картин кишиневских художников, посвященная жизни и творчеству Т. Г. Шевченко.

Богато представлен раздел выставки, на котором экспонированы рисунки и иллюстрации к сочинениям Шевченко.

На выставке представлена, между прочим, интересная картина художника Ужанича, изображающая истерику в 1850 году Тараса Григорьевича с его родной сестрой Ириной — крепостной помещика Зеньковича.

Только теперь, спустя 84 года, эта замечательная картина снова возвращается в собрание Эрмитажа.

Закуплены также для Эрмитажа три портрета работы И. Регина, бронзовая скульптура работы Павла Трубецкого и картина Брюллова.

Эта картина имеет любопытную историю. Она находилась в числе многих других картин в Эрмитаже. Как-то при поспешном картиной галереи Николая I, считавший себя знатоком произведений искусства, распорядился убраться эту картину, как якобы не представляющую художественной ценности. Распоряжение это выполняли, во куда делались после этого картина Ластманна, было неизвестно.

Только теперь, спустя 84 года, эта замечательная картина снова возвращается в собрание Эрмитажа.

Закуплены также для Эрмитажа три портрета работы И. Регина, бронзовая скульптура работы Павла Трубецкого и картина Брюллова.

«Профессор Полежаев»

В Московском театре Ленсовета

Пьеса Леонида Рахманова «Профессор Полежаев» представляет собой театральную вариацию фильма «Депутат Балтики». Популярность фильма извлекает нас от необходимости ознакомиться читателя с содержанием пьесы. Сохраняя полностью действующих лиц и сюжет «Депутата Балтики», Рахманов вносит в пьесу частичные изменения и дополнения. Совершенно новым по отношению к фильму является первый акт пьесы, в котором показана жизнь хорошо знакомых нашему зрителю героев до революции, в 1916 году. Профессор Полежаев возвращается домой из-за границы, из Стокгольма и из Лондона. В Кембридже на Полежаева торжественно надели магистрату, он стал доктором естественных наук старейшего университета. Ученые всего мира, стоя в глубоком молчании приветствовали своего великого русского коллегу. «Стоят, молчат и на меня все смотрят. Прямо страшно... Точно клятва. Вероятно до гроба».

Так встретили сообщение Полежаева о его научных открытиях, его призыв к окончанию войны и к международному единению ученых.

Но вот Полежаев возвращается в Россию. Проект профессора Полежаева об учреждении академии прикладной ботаники в помощь России, поражаемой недородом, отвергнут министрами царской России.

Ленин утверждает проект Полежаева в один из самых трудных и тревожных моментов революции.

Так Рахманов расширяет в пьесе тему «Депутата Балтики».

Написанная для этой цели новая экспозиция пьесы значительно и интересна по своему содержанию.

Не удалось Рахманову попытка обогатить образ жены профессора Полежаева Марии Львовны. В самом конце пьесы профессор Полежаев, а вместе с ним и двойник преподносится приятный сюрприз. Оказывается Мария Львовна тоже крупный научный работник. Вместе с Бочаровым она долгое время тайно производила физические опыты, в результате которых удалось доказать, что отрицательные всемирные физики утверждение Полежаева о наибольшей активности в спектре красного цвета, — правильно. Открытие Марии Львовны Полежаев считает мировым.

Трудно допустить, чтобы столь близкие Полежаеву люди производили сложные опыты по интересующему его предмету без его помощи, без его советов, тайно. Такая тайна не бывает. Непонятно также, почему Мария Львовна и Бочаров так долго скрывают радостную весть от любимого и оберегают его от возможных опасностей.

Вся эта история чрезвычайно необудительна. Она вписана в пьесу произвольно и искусственно.

Неудачная эта интрига обязательно должна быть вычеркнута из пьесы.

Артист Н. Чистяков, играющий в московском театре Ленсовета роль профессора Полежаева, создал большой и вполне оригинальный образ великого ученого — революционера. Полежаев у Чистякова обожженный старик, творчески кинный и неунывающий. Богатая духовная жизнь этого человека наполняет его внутренним ликованием, энергией. Он видит только самое главное, самое большое и поэтому рассеян в быту, в мелочах. Он часто волнуется, точно внезапно пробуждаясь от сна, выскакивает из своего кабинета, гневно выкрикивая и клянет позором всякий неблагодарный поступок, всякую нескромность. Но ласковые, наивные брови не могут скрыть добрых глаз Полежаева. В его плече всегда скрывается обида. Недостойное поведение вызывает в нем не только чувство возмущения, но и глубоко оскорбляет его. Вспыльчивость Полежаева часто проявляется с детской непосредственностью, идущей от нетронутой чистоты, от прямоты и честности его чувств и мыслей.

Благодарное, человеколюбивое сердце обаятельного старика не делает его слабым. Наоборот — это человек огромного мужества и непоколебимого общественного темперамента.

Артист Н. Чистяков в роли профессора Полежаева
Рис. А. Костомоловского

перемента. Вся его долгую жизнь Полежаев провел в опытах над растениями, но он ни на минуту не забыл, что трудом своим служит народу, родине, всему человечеству. Кабинетный ученый, — он и гражданин мира в самом высоком смысле этого слова, он и мудрый творец, и наивный, восторженный ребенок, и сильный духом мужественный революционер, и слабый растерянный старик, весьма благодарный и чуть-чуть задиристый, глубоко волюнтер и вместе с тем немного смеющийся.

Таким показывает нам Полежаева артист Чистяков. Следя за его игрой, зритель много смеется, аплодирует и моментами не может удержаться сочувственных, радостных слез. Конечно, роль профессора Полежаева очень благодарна, но Чистяков по праву делит свой успех с автором. Он дал свой сценический рисунок роли, очень тонко рассчитал его, нашел множество интересных деталей. Однако, большая и талантливая работа Чистякова над образом профессора Полежаева еще не доведена до конца. Некоторые сцены нуждаются в дальнейших поисках. В них нет тех очаровательных находок, которыми вообще так богата игра Чистякова.

Сцена первого акта, где профессор Полежаев, только что вернувшийся из-за границы, рассказывает жене, как его там принимали, дает и материал и повод для более живой и яркой игры.

Не менее еще Чистяков оригинальных акцентов для речи Полежаева перед красноармейцами и матросами с балкона и для показа реакции Полежаева после его телефонного разговора с Лениным.

Правда, речь Полежаева недостаточно сильно сделана и у автора.

Кроме того, успех этой сцены во многом зависит от режиссуры, которая не нашла для нее интересного решения.

Постановщик спектакля заслуженный артист республики К. Зубов и режиссер Е. Страдомская, учитывая характер пьесы, стремились создать актерский спектакль, не выпячивая никаких, так называемых, постановочных моментов. Все свои усилия они направили на то, чтобы содержание пьесы, ее теплота, ее человечность были

игранными в очередь с Любимовым роль Куприянова артист Киселев совершенно не приемлем. Его игра находится на уровне плохого провинциального любительского спектакля.

Не удалось образ допента Воробьева артисту Б. Струеву. Воробьев кажется ворвавшимся в квартиру Полежаева человеком из какого-то другого мира. Это персонаж из другого спектакля. Струев чрезвычайно упрощает образ интеллигентно-революционера.

В игре Струева нет никакой сдержанности, никаких тонкостей, никаких скрытых чувств, никаких движений, за которыми угадывается мысль человека. Его Воробьев показывается нам как просто истериком, если бы он не был потерей мелодраматической школы.

Хорошим партнером Чистякова оказался артист И. Зиньков, исполняющий роль студента-большевика Бочарова. Спокойствие, уверенность, цельность и глубина чувств, сдержанная любовь к Полежаеву, сила и мягкость — все это передано Зиньковым с большой простотой и убедительностью.

Пьеса Леонида Рахманова, с таким успехом идущая в театре Ленсовета, несмотря на недоработанность спектакля, заставляет вспомнить некоторые наши принципиальные споры о драматургии. Сколько раз замечали пьесы провозглашались у нас переломом буржуазной театральной культуры.

«Профессор Полежаев» по форме камерная пьеса в самом строгом смысле этого слова. Она написана в актах. Все действие пьесы происходит в одной комнате частной квартиры. В пьесе всего 6 действующих лиц. Никаких массовых сцен, площадей, боек.

И тем не менее, как широк ее горизонт. В замечательных квартирах профессора Полежаева проникли социалистические идеи и они живут здесь яркой, красочной, поистине замечательной жизнью.

А. ГУРВИЧ

Маленький фельетон

Обстоятельства, при которых погиб Гораций

Двенадцать месяцев работала А. П. Арсеньева над стихотворным переводом о французском трагедии Корнеля «Горация». Тов. Арсеньева делала эту работу по собственной инициативе, не имея договора ни с одним издательством. Переводчик с редкой добросовестностью относился к своей задаче.

10 октября А. П. Арсеньева сдала перевод «Горация» в издательство «Искусство», надеясь его увидеть напечатанным в «Библиотеке мировой драматургии». Несколько раз приходила за отзывом — то не было рецензии, то не было нужного человека, от которого зависит разрешение просмотреть написанную рецензию.

Наконец, А. П. Арсеньева удалось почитать в издательстве театральным отделом издательства тов. Богданова. Произошла следующая сцена.

Арсеньева (о волнении).—Могли ли я почитать вашу рецензию на трагедию «Горация» Корнеля?

Богданов (о убийственной холодности).—Это вы и есть Корнель?

Арсеньева (покачнувшись, прислонившись к стене).—Нет, я только переводчица.

Заведующий театральным отделом Богданов, странный воробей, деланным взглядом окинул внезапно побелевшую посетительницу. Ох, уж эти авторские штучки! Поднял, прошел в соседнюю комнату вместе с Арсеньевой. Выйдя у секретаря рецензию, пробежал ее глазами и удивился, небрежно бросив:

— Ну что-ж... Рецензия правильная, дайте ее гражданке почитать.

А. П. Арсеньева заглянула в рецензию издательства и обомлела.

Рецензент, излагая содержание «Горация», не особенно-то считался с авторским сюжетом от французской трагедии Корнеля. Он великодушно пропустил Камиллу и мужа и жениха в одном лице Курция. Вместо того, чтобы убить Камиллу, по Корнелю, суровый рецензент только ранил ее, но точно же покорил раненую девушку в одной комнате с ее любимым Курцией, который был, как мы уже говорили, вышеозначенным рецензентом превращен одновременно и мужа и жениха несчастной девушки.

Трудно представить, как у издательства «Искусство» поднялась рука на такую злостую, от которой воздержался даже один из героев «Горация» Туллий, царь Рима, можно сказать, классический враг.

Покончив с сюжетом, рецензент приступил к разбору композиции гениального произведения. Он писал:

«Сюжет построен крайне бездейственно. На длинных монологах о долге, об обычаях, изредка о событиях, происходящих за сценой, построена вся пьеса. Образы индийца и индийской женщины неясны. Все персонажи не живые лица, а только персонажи, носители различных имен. Вместо художественных образов — серые, однообразные и мертвые персонажи».

... При крайне низком уровне худо-

Разбазаривание некрасовского наследства

8 января 1938 г. исполняется 60 лет со дня смерти великого русского поэта-гражданина Н. А. Некрасова.

В бывшем родовом имении Некрасова в Ярославской области, в 20 километрах от Ярославля, осталось богатое литературное наследство поэта.

В Ярославле находилось значительное количество документов и материалов о жизни и литературном творчестве Н. А. Некрасова. Сейчас многие драгоценные документы исчезли. Нет ни одного автографа поэта, бесследно исчезли автографы предмертвенных писем поэта брату — Ф. А. Некрасову, восемь листов программы «Русских женщин», черновики произведений: «Приглашение к искусству», «Кому на Руси жить хорошо», «Крестьянские морозы» и другие, общей стоимостью 170 листов.

Похитена также большая переписка Н. А. Некрасова. Из огромного количества портретов поэта уцелел только один — работы художника Крамского.

Из вещей, принадлежавших Некрасову,

в краеведческом музее сохранились только письменный стол, диван, бронзовая статуэтка и чучело мушкетера. По каталогу же на выставке имелось: ручка для пера, визитная карточка, карандаш, трость с серебряной ручкой, охотничье ружье, пороховница, дробовица, кожаный патронташ и другие вещи, принадлежавшие писателю.

Документы и книги бывшей Некрасовской библиотеки, находившиеся в краеведческом музее, свалены в кучу. Среди них комплект «Литературной газеты» за 1941 год, где опубликовано много произведений Н. А. Некрасова; литературный сборник «Складчина» за 1874 г., где напечатаны «Три элегии»; «Архив села Карабихи», содержащий письма поэта, а также письма к поэту Великого, Островского, Толстого, Салтыкова, Плещинского, Успенского и т. д.

В куче валяется сборник «Неизданные произведения Некрасова», «Труды воспитанника ярославской духовной семинарии Павла Тихвинского» и многое другое.

Н. НАУМОВ.

Нужно ли переиздавать

«Бабы тropy»

Полтора часа ждали члены кружка рабоче-рецензентов писателя Феоктиста Березовского.

На обсуждении стоял вопрос: надо ли переиздавать его роман «Бабы тropy»?

Рецензенты хотели ознакомиться с тем, как автор работал над своей книгой. Но Феоктист Березовский, утомительно и подробно рассказав своим биографом, сообщил, что роман написан в полтора года и что часть читателей приняла его восторженно, а часть возмущалась автором грезью.

— Я знаю, кто эта часть! — тоном прокурора заявил Березовский. — Это интеллигенты, это те, которые...

Ход прений был предельно! Каждый из выступавших рисковал пошлостью в чистом, чужом, чужом! И все же рецензенты резко выступили против гоголя натурализма, против грубого, засоренного языка книги, против ее примитива и беспомощности.

Критикующие подчеркивали особенную беспомощность писателя при его попытках нарисовать образ рабочего, большевика.

Конкретно разбирая каждую страницу, каждую строку книги, рабочие-рецензенты критиковали работу автора.

Но Феоктист Березовский, видно, не терпит критики, даже деловой и конкретной. Сорвавшись с места, опрокинув стул, он начал свое заключительное слово заявлением:

— Если вы собрались здесь разнести меня, то вам это не удастся! Я воробей стреляный.

В дальнейшем он повел себя уже явно недостойно. Он грубо и оскорбительно переругивал выступавших, стал брать под сомнение отдельных рабочих-рецензентов, вызвал возмущение собрания.

Представителю издательства «Советский писатель» т. Ивановой пришлось остано-

вить Феоктиста Березовского. После этого его речь стала значительно спокойней: автор перешел к разбору тщательно подобранных им хвалебных отзывов о романе.

В конце собрания выступила т. Иванова с неожиданным заключением:

— Значит мы сошлись, — сказала она — на том, что переиздавать роман «Бабы тropy» надо, но сделав в нем некоторые исправления.

Почему? Почему при столь острой хватке бумаги надо в семнадцатый раз переиздавать этот роман?

Но потому ли, что Феоктист Березовский является членом правления издательства, которое услужливо уже выдало ему под эти «Бабы тropy» аванс в 8.700 рублей?

Кстати об авансах. Феоктист Березовский продолжал издательству «Советский писатель» не только по книге «Бабы тropy», но и по ряду еще не рожденных книг.

Так, по договору 1932 года Феоктист Березовский должен был сдать издательству к 1 сентября 1932 года новую книгу «Тяжелые заступники». Книгу не сдал, но 2157 рублей авансом получил.

По второму договору, то же 1932 г., он должен был сдать к 1 сентября 1932 года «Рассказы о транспорте». Книгу не сдал, но 3 тысячи рублей авансом получил.

По третьему договору он же должен был сдать к 1 декабря 1936 года книгу «Казак-степь». Книгу не сдал, но 3 тысячи рублей авансом получил.

Так, издательство «Советский писатель» выдало Феоктисту Березовскому 16.557 рублей только за один названия книги. Что же тут удивительного, если издательство теперь пытается возместить эту сумму новым переизданием тех же «Бабы тropy».

Н. Б.

Переписка А. М. Горького с А. П. Чеховым

Издательство Академии наук СССР выпустило в свет сборник «А. М. Горький и А. П. Чехов». В книгу включены обширная переписка, статьи и высказывания этих двух писателей.

В книгу включены 89 писем, ряд высказываний А. М. Горького о Чехове, статьи, рассказы-мемуары, а также некоторые неопубликованные архивные данные о взаимоотношениях Горького и Чехова.

Сборник выпущен тиражом 20 тысяч экземпляров. Цена 11 руб.

Подлинный подарок

5 декабря годовщина утверждения Сталинской Конституции.

Партизаты ЦК ВКП(б) отметили эту великую дату новым изданием исторического доклада товарища Сталина «О проекте Конституции Союза ССР» и текста основного закона нашей страны. Книга имеет специальное назначение — это подарок лучшим стахановцам.

Сотрудники Партизаты любовно и много работали над ее оформлением. Простой, но красивый переплет, хорошая плотная бумага, ясные шрифты, оригинальные заставки радуют глаз читателя. Особенно высокого стилистического — прекраснейшего барельефа Ленина — Сталина и отдельно портрет товарища Сталина на трибуне.

Образцы музыкальных произведений, выпущенных Музгизом к выборной кампании. (Совфот).

Литературная жизнь фабрик и заводов

Неопытный руководитель

(Литературное объединение вагоностроительного завода им. Войтовича)

Однажды на очередное заседание литературного кружка завода «Серп и молот» — «Вальцовка» явились трое товарищей.

— Вы из какого цеха? В кружок поступить хотите? — спросили поэты «Вальцовки».

Ответ был неожиданным.

— Мы на литературном кружке вагоностроительного завода им. Войтовича. Обращаемся к вам с просьбой, как к старшему творческому коллективу, помочь нам в работе. К нам направили комсомольский комитет.

«Вальцовка» внимательно выслушала гостей. В дружеской беседе литературоведы завода им. Войтовича рассказали нам о том, что их кружок существовал год. Руководителем у них был представительница союза советских писателей некий т. Иванов.

Занятия проходили трудно и однообразно. Неопытный руководитель читал длинные лекции, делал из этого произведений Чехова к изучению произведений Некрасова и т. д. Бывший редактор многотиражки «Красный вагонник» не желал на страницах заводской газеты печатать стихи, очерки и рассказы литературоведов.

«Вальцовка» решила помочь.

Мы, серпомолотцы, обратились с комсомольским призывом:

— Товарищи, разве вы не хотите своих песен, которые бы написали ваши друзья по цеху? У вас есть способные люди, почему комсомольская организация не может им создать свой творческий литературный кружок? Мы пришли к вам на помощь. Давайте работать!

Занятия стали проходить аккуратно, в декаду раз. Разбирались стихи В. Маяковского, читались критические статьи на журналы, литературоведы читали свои новые произведения.

Радостным был день и для всех рабочих завода и для литературоведов, в особенности, когда в газете «Красный вагонник» вышла первая литературная страничка.

Но прошли медленные месяцы. Литературный кружок проявлял мало настойчивости и инициативы. Работа пошла под уклон. Между тем право на существование этого литературного объединения безусловно имело. Они могут писать песни и о своем заводе, о росте своих замечательных стахановцев, они могут сделать свою газету живой, содержательной и интересной.

Староста литературного «Вальцовки» А. ФИЛАТОВ.

Актив продолжает жить

На Автозаводе имени Сталина долгое время существовало большое литературное объединение, в котором был постоянный авторский актив в 25—30 человек. До марта 1937 г. на заводе выходила своя «Литературная газета». В ней все — от передового и до хроник — делалось самими рабочими, членами литературного объединения.

В настоящее время литературная работа на заводе затихла. Литературный актив остался без всякого руководства. Помощи нет ни от союза писателей, ни от общественных организаций.

Но многие рабочие продолжают упорно работать над стихами и рассказами. Работники отдела главного механика Каминский помещал в многотиражку сатирическую повесть «Огнени на заводе», в которой крепко раскритиковал все неполадки, имеющиеся на предприятии. Работавшая на заводе т. Нецанева пишет пьесу на жиня своего завода. Нецанева уже написала одну пьесу, она была поставлена заводским театральным коллективом. Этот же автор работает над беллетристическими произведениями. Тема их — жизнь советской молодежи.

За последние время в заводской многотиражке прошли ее рассказы.

На заводе имеются и свои рабочие-критики (Николаев, Жданов, Иванов, Зотов и другие), они уже второй год работают в рецензентском кружке издательства «Советский писатель».

Литературный актив завода продолжает работать, и он вправе рассчитывать на помощь.

Член литературного объединения Автозавода имени Сталина П. ШИФАН.

«Академия» вливается в Гослитиздат

Не раз советская общественность отмечала явную неудовлетворительную работу издательства «Академия».

Не имея ни полиграфической базы, ни достаточных средств и квалифицированных кадров, «Академия» выпускала на рынок книги, зачастую весьма сомнительного качества и притом крайне дорогие.

Из года в год издательство не выполняло своих обязательств, терпело крупные убытки, срывало плановое снабжение советского читателя произведениями мировой классической литературы.

По решению правительства издательство

«Свернулись»

До весны 1937 г. на заводе им. Авиационный велась большая литературно-художественная работа. Регулярно устраивались литературные вечера, встречи заводского актива с писателями. Большим успехом у рабочей аудитории пользовались литературные конференции, посвященные Пушкину и Маяковскому. Залы клуба в эти дни были переполнены. На этих конференциях выступали рабочие. Чувствовалось, что они глубоко интересуются литературой и хотят хорошо ознакомиться с творчеством своих любимых писателей.

К несемьшам успехом прошел также вечер, посвященный антифашистской литературе.

Но рабочие завода не только выступали на этих вечерах. В библиотеке завода до сих пор хранятся решения рабочих, которые они в то время писали почти к каждой выходящей книге. Эти решения не печатались в заводской многотиражке. Не мало места уделяла многотиражка и творчеству самих рабочих. Регулярно на ее страницах появлялись стихи, рассказы, очерки заводских поэтов и беллетристов.

Но литературный актив завода нуждался в серьезном руководстве. Союз советских писателей прислал на завод для руководства творческим кружком т. Дубровского. Дубровский ничего не дал кружку. Мало этого, он фактически развалил работу. Не было обеспечено нужного руководства и кружком рабочих-рецензентов.

В результате литературный актив завода перестал работать. Правда, и сейчас в клубе устраиваются литературные вечера: «Советская литература за 20 лет» с участием Д. Алтауэна, вечера, посвященные советской драматургии, на котором выступали Н. Погодин, Лебедев-Кумач и другие.

Но увы... На этих вечерах рабочие являются лишь только молчаливыми слушателями, а не активными участниками.

С. ШИФ.

ЛЕВ КАССИЛЬ

Дело о написании

В общей нашей прессе, да и в специальных критических журналах о литературе для детей пишут или в большие праздники, когда для увеселения юного читателя напоминают о малых сих, или по случаю какого-либо печального происшествия о детской книге, когда надлежит одернуть, выправить, заострить.

Единственным органом, регулярно печатающим статьи, критические отзывы, рецензии о книгах для детей, о детских журналах и писателях, работающих в этой области, является журнал «Детская литература», выходящий в издательстве «Молодая гвардия». Казалось бы, что детские писатели, объединенные вниманием критики, должны с нежной признательностью и с осязанными чувствами выслушивать, как на оном, к этому почтенному органу. А между тем спросите, заведует ли какой-нибудь автор в писательских, библиотечных и читательских кругах журнал «Детская литература»? Создал ли, воспитал ли он кадры критиков? Много ли найдется писателей, которым журнал «Детская литература» помог на трудных этапах творческого роста, помог по-товарищески?

Ни на один из этих вопросов вы получите ответ не получите.

Правда, в журнале за последние годы было напечатано несколько довольно солидных статей об изданиях для детей классиков, о переводной литературе. Были большие, но общедетские статьи о задачах советской детской литературы. Но и в этих статьях — если дело касалось хотя бы приблизительно-конкретной оценки отдельных книг, отдельных писателей, ю у автора точно появлялась бравада, невинная скорбь, а не острая, острая, лекторская статья.

Очень часто статьи в журнале «Детская литература» — это не исследование, а розыск, не художественный анализ, а ехидное блокнотничество, не критика, а простое какое-то следование по делу о написании книг для несовершеннолетних... Они

ничего не верят, эти критики из «Детской литературы». Они с первой же строки книги заводят вас за нос и в чепе! Никогда не удавалось, что может быть под покровом в своей книге очередной рецензент из «Детской литературы».

Например: поэтесса З. А. Александрова пишет в одном из своих стихотворений для ребят:

Солнце, воздух и вода
С нами на прогулке.

«Ну, а не прогулка? Отсутствуют» — ехидно допрашивает следователь из № 20 журнала за 1936 год. «На странице 11-й есть стихи», — продолжает там же критик:

Мы купались победами,
Голышам ляжем.
Ветер, ты посторожи
Труску на пляже!

«Обращаться с такой просьбой к ветру — это, примерно, то же, что обращаться к огню с просьбой предостеречь от пожара», — пишет далее критик, и сам тут же добавляет:

«В непосредственно за этим четверостишием следующих строчках ветер это и доказал:
Ветер дунул, обманул, и летит, как чайка.

Голубые трусики, беленькие майки. Значит, ветер доказал доверчивым малышам, что на него полагаться нельзя. Чего же лопается в открытую дверь критик? К чему он тут придрался?

Говоря о стихах Сергея Михалкова в № 3-4 журнала за 1936 г., критик уверяет, что «московский ребенок, например, будет недоумевать, почему герой, который едет на завод до Кропоткинских ворот, впоследствии «спешит домой» (очевидно, возвращаясь с того же завода) «с Арбата».

У Михалкова нигде не сказано, что для Степа в данной строке возвращаются с завода. А критик учитывает сие, устанавливает пристроенное уличное наблюдение за героем и пытается уличить автора в том, что тот посянул (о, непростительная поэтическая погрешность!) своего героя не в тот трамвай».

В другой статье о Михалкове, привадающей т. Н. Писко (№ 17, 1937), та же колоссальная придрывчивость к автору. «Ребенка уговаривают спать, ссылаясь на то, что уже спит зверь, птица, люди, и поэтому ребенку также необходимо уснуть».

Почему тебе не спится, ты же сонная леда?

Под кустом лежит зайчиха.
Спать и мы с тобой должны...

«Обращение поэта к Светлане с вопросом, почему она не спит — торжествует критик — может быть легко отпарировано. Ибо первый же пример, приведенный поэтом в доказательство того факта, что все уже спит, легко может быть опровергнуто. Ну, что на то, что зайчиха спит под кустом? Ведь неизвестно — спит она, или не спит. Она, может быть, греет, подобно Светлане... Ох, напрасно тут уж критик не взял в работу зайчиху: греет? О чем греет? Это тоже бы надо высказать».

Критикуя книжку Кипкины «Моряк», редактор журнала А. Бабушкина (№ 6, 1937) ведет следующий допрос с пристрастием: «Мать ушла на работу, а домработница Харитина ушла на базар. По странному понятию автора, Харитина торчит на базаре целый день, а мать это заведенное правило запереть ребенка на целый день почему то не заботит. Может, быть, автор тут что-то недоговаривает? Может быть, никакой домработницы Харитины и нет, а есть одна несчастная мать, которая вынуждена запереть двухлетнего сына дома, чтобы зарабатывать на хлеб?».

Ничему, как видите, не верит в журнале «Детская литература». Вель сказано же ясно: есть Харитина, ушла на базар. Ну, чего мы не верим, что побор, в конце концов! Но Бабушкина уже решила, что автор «не договаривает и обманывает на мать героя, па автора и на редактора книжки с громкополющими обвинениями в «скупом отношении к ребенку», и называет рассказ «неприкрыто издевательскими над чувствами советской матери». Мы не собираемся здесь давать оценку посредственной книжке т. Кипкины, но можем заверить читателей, что в рассказе «Моряк» нет ничего, что могло бы оправдать подобную огульную безответственную ругань.

Далеко не объективными являются оценки, которые журнал дает произведениям советских писателей, работающих в детской литературе. Притчей во языцех, например, стали совершенно несправедливые, недостоверные в советском журнале формы критики, и вся линия поведения редакции по отношению к А. Барто.

В декабре 1934 года журнал поместил весьма хвалебную статью о творчестве А. Барто. Но «неблаготворная» А. Барто выступила в «Литературной газете» с серьезной статьей «Жем первой настоящей статьи», где подвергла суровой и справедливой критике работу журнала. Журнал быстро «откапнулся» на это статью некоего Мали-

шевского (по профессии дессертирщика свина).

Отдельные перлы этой статьи были процитированы А. Барто на заседании по детской литературе при ЦК ВЛКСМ. Вот один из этих перлов: «Острые украшающих изысков обламывает Барто к мелким, замкнутым членам и очень слабой между ними связи в повести. Вследствие этого сюжет в качестве костяка рудиментируется, а какими рифмованным сектор, наоборот, приобретает жесткость раковой скорлупы, заменяя собой костик и сдерживая все жидкое содержимое повести».

В ответ на выступление А. Барто журнал обрушил в одном из очередных номеров на голову писательницы все свои обиды в кулак критические силы. Грубо, бестактно, несправедливо совершил был этот критический наскок. «Комсомольская правда», во-время призывала к порядку журнал и его редактора. Журнал признал свою ошибку и обещал дать правильную развернутую оценку творчества А. Барто.

Прошло полтора года. За это время вышел ряд книг А. Барто («Игрушки», «На восток и др.), расположенных в миллионных тиражах и занявших свое место на полках детских библиотек. Но журнал с тушим упрямством продолжает замалчивать работу А. Барто, словно ее и вовсе нет среди пишущих книги для советских детей.

В одном из обзоров хвалит приключенческую повесть тов. Лоскутова и Тушканова «Голубой берег», а затем помещает об этой же вещи разностороннюю статью, ссылаясь на неперенную и взыгравшую статью в «Литературной газете», статью, о которой уже сейчас имеется достаточно опровергающее суждение бюро секции детской литературы Союза советских писателей. Не хочется здесь писать о себе, но посылите, каково самочувствие писателя, о книжке которого («Игрушки» бусы), например) сперва пишется, что она сделана «прекрасно», а потом сообщается, что вещь совсем слаба и надумана.

Журнал не верит нам. И мы не верим журналу. Не верят ему и сотрудники детских садов, педагогов, библиотекарей. Не верят наш читатель, пыльный, требовательный, чья «свидетельские показания» то в дело решительно опровергает весь ход «следствия по делу о написании», которое ведет журнал.

А журнал нужен нам. Мы ждем решительной перестройки всей его работы. Мы хотим, чтобы он заговорил голосом живым, теплым, заинтересованным. Чтобы он ругал и хвалил нас, помогал, советовал, направлял, но делал все это с умом и от чистого и горячего сердца.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. СТАВНИН, Е. ПЕТРОВ, В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, Н. ПОГОДИН, О. ВОЙТИНСКАЯ.

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА 1938 г. НА ИЗДАНИЯ ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

ОГОНЕК

массовый еженедельный литературно-художественный иллюстрированный журнал, выходит под редакцией Мих. Кольцова.

12 номеров в год.
Подписная цена: 12 мес. — 15 р., 6 мес. — 8 р., 3 мес. — 4 р.

БИБЛИОТЕКА ОГОНЕК

серия книжек на лучшие произведения советских и иностранных авторов.

12 номеров в год.
Подписная цена: 12 мес. — 12 р., 6 мес. — 6 р., 3 мес. — 3 р.

ИГРУШКА

журнал освещает вопросы педагогического использования игрушек, ведет борьбу за качество воспитателя и за культурную торговлю игрушкой.

12 номеров в год.
Подписная цена: 12 мес. — 24 р., 6 мес. — 12 р., 3 мес. — 6 р.

НАША СТРАНА

научно-популярный журнал. Журнал в статьях, обзорах и очерках дает представление о физической, экономической и политической географии нашей страны, о ее развитии и отдельных ее республиках, областях и районах. Журнал рассчитан на широкого советского читателя.

12 номеров в год.
Подписная цена: 12 мес. — 30 р., 6 мес. — 15 р., 3 мес. — 7 р. 50 к.

АРХИТЕКТУРА СССР

орган союза советских архитекторов. Журнал широко освещает архитектурную жизнь в нашей стране и за рубежом. Журнал богат иллюстрациями.

12 номеров в год.
Подписная цена: 12 мес. — 96 р., 6 мес. — 48 р., 3 мес. — 24 р.

АРХИТЕКТУРНАЯ ГАЗЕТА

орган союза советских архитекторов. Газета широко освещает вопросы теории, практики и истории архитектуры. К каждому номеру газеты прилагается бесплатное иллюстрированное приложение.

72 номера в год.
Подписная цена: 12